



Галина Петровна Беляничева родилась в Калуге, окончила Московский государственный университет, факультет журналистики. Работала в газетах «Амурский комсомолец» и «Благовещенск», в государственной телерадиокомпании «Амур». Член Союза писателей России. Автор книг рассказов, повестей, сказок. Лауреат литературной премии имени Григория Федосеева за повесть «Фантастический дуэт» (1994). Её рассказы и повести печатались в альманахе «Приамурье» (1990, 1995, 1997, 2000, 2003, 2005, 2008). В 2011 в благовещенском издательстве «Зея» вышел в свет сборник фантастической прозы Г. Беляничевой «Город Титанополь».

Повесть

Дег из настоящего

Сцены окраинной жизни

1. Переезд

Напоследок Вилен Афанасьевич поднялся в оставляемую им квартиру и свою комнату, чтобы в одиночестве с ними проститься и заодно посмотреть, не забыто ли что. Комната была пустой и уже как бы чужой, не имеющей к нему отношения. Так что прощаться надо было не с ней, а со своими воспоминаниями. Но это не к спеху. Из вещей также ничего не было забыто.

На обратном пути, в прихожей, его перехватила невестка и, скромно промолвив: «Возьмите это», — бросила ему в руки небольшой свёрток. Бардин непривычно подхватил его на лету и молча вышел. Внизу он сел в машину к сыну. Тот, заметив в его руках знакомый, как видно, свёрток, стеснительно пояснил:

— Мой выходной костюм. Мне он уже тесноват, а тебе, думаю, сгодится.

Бардин промолчал на прощальную благодарность сына и особенно — невестки.

Сын тронул машину с места. За нею двинулся грузовичок со скарбом и мебелью пожилого хозяина. Из центра они приехали на окраину, под мостовую развязку. Город здесь не кончался — за мостом тянулись два его дальних района, но здесь был въезд и выезд из города на ту сторону реки, потому место было оживлено растекающимися в разные стороны потоками машин.

В дворик за плотным забором въехал только грузовичок. Сын оставил свою машину снаружи. Из-за тесноты дворовой площадки грузовичок почти вплотную приткнулся задним бортом к крылечку кирпичного сооружения, больше похожего на баню, мелочную лавочонку, сторожку или иную хозяйственную постройку, чем на полноценный домишко, который новый хозяин собирался обживать как жильё. Этот клочок двора со строеньицем и в самом деле был выкроен из задов соседней усадьбы и выставлен на продажу как самостоятельное домовладение. Сын месяц назад с некоторым смущением показал его

отцу, и тот, отказавшийся перед этим от нескольких однокомнатных квартир в домах старой застройки и комнаты в секционном общежитии, неожиданно им заинтересовался.

— Ты, пап, серьёзно? — не поверил сын.

— Вполне, — уверил старший Бардин.

Они осмотрели продаваемое строение изнутри. Оно представляло собой узкое продолговатое помещение, разделённое компактной, без лежанки, печью на две половины — кухню и горницу. Окна были только на торцовых стенах — трёхстворчатое в горнице, двусторчатое на кухне. Комнатное окно глядело на чужой огород, точнее, на огород продававших это вымороочное домовладение хозяев. Кухонное — на собственные задворки: скворечник туалета и дровяной сарай. Из квартирных удобств в кирпичной хибаре имелась помпа, без натуги качавшая воду, и кирпичная плита на две конфорки и с духовкой.

Вилена Афанасьевича всё предлагаемое здесь устраивало. Недостатками он посчитал низкую, хоть и двускатную, но почти без фронтона и чердака, крышу и отсутствие бани. Сын же ничего заслуживающего внимания не увидел и с пристрастием спросил:

— Ну что тебя, пап, тут привлекает?

— Воспоминание, — коротко бросил отец, и сын понял, что он имеет в виду своё геологическое прошлое, с которым никак не желает расстаться.

Бардину и в самом деле уголок напомнил прежние передвижные базы, походный быт на окраине поселений, в нежилых помещениях, заброшенных домах, обветшальных строениях, сторожках, охотничих избушках. Если селились на сезон, обустраивались как могли. Если надолго — осваивали место фундаментально. А когда геологи уходили далеко в тайгу, то и базы подвигались следом за ними, и опять на такие же зады, окраины, в чистое поле. Ох какой сладкой увиделась ему та неприхотливая жизнь!

— Ты, папа, ностальгируешь, а дело серьёзное, — предостерёг сын. — Твоему возрасту нужен устроенный быт.

— Я ещё не разучился его сам устраивать, — возразил старший Бардин.

— Смотри, пап, не пожалей. Ностальгия пройдёт, а переменить уже ничего не получится.

— Надеюсь, не пожалею, — поставил точку и разговору, и выбору старый геолог.

И вот он переезжает в купленное и обновлённое жильё, которое приобрело черты квартиры и куда во время ремонта были привнесены технические усовершенствования: такие как электроотопление параллельно печному — на случай, если хозяин вдруг заболеет и топить не сможет, электроплита для приготовления пищи — опять же независимо от печной плиты, и электромотор к помпе, чтобы она уж сама воду качала. Выбор отца теперь не казался сыну безумным.

— Ну что ж, пап, устраивайся и привыкай, — сказал он на прощанье. — Если не затоскуешь, жизнь в этих пенатах может оказаться очень даже приятной. Баньку за лето выстроим. Мансарду со временем нарастим. И будет у нас тут что-то наподобие дачки. Правда, место не тихое, транспорта многовато. Зато река близко. А Лену прости, — виновато прибавил сын Виталий. — Для

ней ты слишком отдельная фигура. Теперь, я думаю, она к тебе подобреет. А я тебя, так и знай, не оставлю. Буду навещать и звонить.

— Боря тоже пусть приезжает, — пожелал Бардин.

— Ну это как он захочет, — неуверенно сказал сын. — Внук твой, наподобие тебя, вольная птица.

2. Утро новосёла

К каменному флигельку двор прилегал с восточной стороны, где окна не было, и новосёл встречал молодое, яблоком рдеющее утро, стоя босым на крылечке. Его обдавало радостью, оттого что вместе с ним новую жизнь начинает пробудившаяся от зимнего сна природа. На припёке, посреди двора, пробились к свету зелёные стебли травы. Приготовилась брызнуть листом черёмушка у крыльца. Но в основном дворик гол, как хлебная горбушка. Лишь за домом, с северной стороны, куда глядит окно кухни, сквозь ограду самострелом пробиваются кусты колючего боярышника, теснимого сюда загустевшим колком, дико расплодившимся за забором. Надо будет его проредить и подчистить.

Бардин любовно и осторожно ступил голой ногой на землю, приятно прохладную, но уже начавшую прогреваться, прошёлся, оглядывая дворовое хозяйство, а главным образом подставляя себя ласковому прикосновению не жаркого ещё солнца.

В калитку с улицы постучали. Бардин оттянул щеколду запора и увидел перед собой двух опрятно одетых мальчиков. Один выглядел лет на двенадцать, другой — на девять. Младший держал в руках пятнистого котёнка. Мальчики вежливо поздоровались и сказали:

— Деда, возьмите кошечку. Она у вас будет ловить мышей.

Бардин впустил ребят во двор.

— Откуда вам знать, что мне нужна кошка? — спросил он.

— Мы видели, как вы въезжали. У вас не было никакого животного.

— Откуда вы видели? — удивился новосёл, невольно окидывая взглядом замкнутое пространство двора.

— А вон откуда, — мальчики указали на выглядывающую из глубины дворов крышу с поднятой над ней галереей.

— Так-так, — вкрадчиво произнёс хозяин домовладения. — А сейчас вы увидели меня во дворе и пришли?

Мальчики смущённо потупились.

— Выходит, я не в равном с вами положении. Вы можете беспрепятственно за мной наблюдать, а я вас даже не увижу, — посетовал на несправедливость положения Бардин.

— А вы приходите к нам, мы вам всю округу покажем, — нашли выход ребята.

— Вы меня приглашаете? — поймал их на слове старый геолог.

— Ну, когда поближе познакомимся, — сделали оговорку ребята.

— А что нам стоит познакомиться поближе? Я, по всей видимости, ваш сосед. Зовут меня Вилен Афанасьевич. А вы кто такие?

— Я Тимофей, по-простому Тимка, — сказал о себе старший мальчик и указал на младшего: — А он Архип. Можно называть его Арик.

— А Архимедом?

— Не, папе не понравится, — возразил Тимофей. — Не православное и не христианское имя,

— Тогда вашему папе и моё имя не понравится. Оно не христианское, а скорее языческое. Вилен. Чуете, из каких слов состоит?

— Да нормально, произносится просто. Папа к именам других людей претензий не предъявляет, если, конечно, эти люди у него не крестятся, — сказал Тимофей. А Архип выпалил:

— Хотите — папа вас перекрестит и церковное имя даст?

— Нет, зачем же. Я к своему имени привык, — сказал Бардин. — А с кошкой давайте поступим так: если она сама войдёт в дом, я оставлю её у себя, если нет — заберёте её назад. Согласны?

— Согласны, — включились в игру мальчики.

Архип посадил кошечку перед крыльцом. Все отошли в ожидании, как она себя поведёт. Та сжалась в комок и не двигалась, словно испытывая терпение наблюдавших. Но, видно, поняв, что ей предоставлена свобода действия, приподнялась, огляделась и соблазнилась приоткрытым входом в незнакомое ей жилище. Прожинисто вспрыгнула на порог, пересекла его и без стеснения вступила в дом, решив, таким образом, свою судьбу.

— Есть! Кошечка ваша, — победно вскричали мальчики.

— Похоже на то, — согласился Бардин.

— Мы вам ещё щеночка подарим, — пообещал Архип. — Только надо обождать. Щенята с неделю как народились.

— Вот этого не надо, — воспротивился Бардин. — Я не собираюсь разводить у себя хозяйство.

— А кто вас будет охранять и любить? Папки с мамкой нет и сами старый, — спросил Архип.

— Любить? — озадачился новый житель. — Над этим надо поразмыслить.

— А чего размышлять? — включился в разговор Тимофей. — Если бы вы в высотку вселились, то вам телевизора и птички в клетке хватило бы. А на земле надо, чтобы кто-то рядом был. Чтоб друг за дружку держаться.

— Как в сказке про репку? — пошутил Бардин.

— Именно так: бабка за дедку, кошка за Жучку, — подтвердил Тимофей.

— Ну вы, ребята, меня убедили, — сдался новосёл. — На собаку я ещё, может быть, соглашусь. А на бабку не уговаривайте. Я закостенелый вдовец. Лучше уж я за вас уцеплюсь, как за внуков. А вы, как за дедку, — за меня.

— Мы не против. Только нас много. — Тимофей принялся перечислять: — Батюшка с матушкой, нянюшка Аграфена, четверо братьев и сестра. А ещё животные разные. Нравится вам такая компания?

— Рад был бы в неё вписаться на правах дружбы.

— Ну тогда мы родителям скажем, — пообещал Тимофей.

— Пойдёмте, ребята, в дом, посмотрим, как кошка его обживает. Заодно молочка ей дадим, — позвал мальчиков Бардин.

Кошечка сидела посреди кухни в ожидании хозяина. «С такой подружкой мне не соскучиться», — подумал Бардин. Она была многоцветной, «счастливой»: по белому — кругляшками оранжевые, тёмно-коричневые и серые пятна, похожие на сувенирные медали.

— Не жалко такую красавицу отдавать? — спросил Бардин.

— У нас ещё есть, — сказали ребята.

— И тоже с медалями?

— Нет, эта самая красивая. Мы нарочно её принесли, чтобы вы наверняка взяли.

— Сколько вы просите за услугу?

— Мы же в подарок, — застеснялись ребята.

— За это спасибо. А против мороженого возражать не будете?

Мальчики отрицательно покачали головой. Бардин протянул им сотенную бумажку, сказав, что это на всех братьев и сестру.

— Кстати, у них тоже христианские имена? — заодно поинтересовался он.

— У всех, включая Любку. Она, может, конфуцианкой родилась, но папа перевёл её в христианство.

— Папа у вас проводник веры?

— Он священнослужитель, отец Виссарион, а в миру Григорий.

— Передайте мою признательность вашему батюшке.

— А вы приходите выбрать кутыка.

— Чуть не забыл, какое имя у вашего подарка?

— Мы называли её Бархоткой, а вы зовите как хотите.

— Что ж, имя для неё подходящее, — сказал Бардин, глядя на лакающую молоко кошку, и с улыбкой прибавил, — хоть и не христианское.

— А вас можно называть дедом? — спросили мальчики.

— Конечно, я ведь признал вас внуками.

Бардин проводил ребят за калитку и направился к дому, как вдруг услышал сбоку обращённое к нему приветствие, произнесённое грубоватым, с хрипотой, голосом:

— Здорово, дед. Как спалось на новом месте?

За оградой соседского огорода стояла хозяйка, продавшая на его имя кирпичное домовладение.

— Не жалуюсь, — сухо отвечал Бардин, слегка покоробленный её тоном.

— Молодцом! — похвалила женщина. — Долго у нас проживёшь.

— Кому это известно? — сквозь зубы процедил он.

— Я по моему деду сужу. До девяноста лет в этой келье ворочался. Никого ухаживать за собою не подпускал. Сам же по кирпичику её и сложил. Мы думали, баню строит, а он загадал от семьи отделиться, на старости лет самостоятельной жизни захотел. Из-за его причуды угол усадьбы пришлось отрезать, а в конечном итоге продать.

По интонации говорившей было непонятно, хвалит ли она родственника или осуждает. В её бесцеремонно напористом тоне проскальзывала усмешка. Не только голос и повадки, но и подбор одежды — штаны, заправленные в резиновые сапоги, — придавали ей мужиковатый вид. Лицо было истомлено

непроходящей усталостью, которой она, однако, не давала над собой воли. Для относительно молодой, тридцати с лишним лет, женщины ничего женски привлекательного в ней не сохранилось. То ли само ушло, то ли намеренно вытравлено ею. Зато человеческая личность и характер в ней были чётко прописаны. По отношениям купли-продажи Бардин знал, что зовут бывшую хозяйку его жилья Галиной Ивановной Алтуховой.

— Я рада, дед, что такой, как ты, в покупатели мне достался, — сказала Галина Ивановна. — Кому другому я бы не продала. Всё ж таки халупка мне памятная. Дед нас, внуков, не обижал, гостинчиком баловал, и мы за это его помним. И потом, не всякого человека в соседи себе пожелаешь. А ты мне нравишься. Шевелишься тут — и моего деда из прошлого напоминаешь.

— Я дед из настоящего, — поправил её Бардин.

— Это так, — согласилась она. — А всё ж таки по тебе я и его не забуду. Ты покойного не опасайся. Его дух из каменушки давно выветрился. Сколько тут квартирников перебывало. Ни один добром не запомнился. А ты, дед, упорный и с моим дедом схожий — не побоялся на старости жизнь наново повернуть. Живи возле нас. Мы за тобою присмотрим. В необходимый час воды подадим.

— Премного благодарен, — слегка поклонился Бардин. — Думаю, соседство мне хорошее выпало.

— Вы не всех ещё знаете, — сказала Галина Ивановна. — Люди у нас слухом не обделённые, позовёте — и откликнутся.

Рядом с бывшей хозяйкой появилась девочка лет четырнадцати, крупная, цветущая здоровой силой, с простоватым лицом, скрашенным прелестью ранней юности.

— Моя дочка Валерия, — сказала о ней Галина Ивановна. — Со мной ещё старая мать живёт. Она ни на что уже не годится, только сидеть и смотреть. Мы с дочкой огород пахать собирались. Вон, коня привели, — женщина указала рукой назад. Вдали у дома, в самом деле, виднелся конь. — Снарядимся и начнём. Выходи поглядеть, занятно покажется, — пообещала она.

Когда коня впрягли в плуг и он повёл борозду, Бардин вернулся во двор поглядеть и, засмотревшись, застрял у ограды. Память предков, наверное, в нём шелохнулась, и в придачу к ней — впечатления собственной жизни. А может, экзотичный на сегодняшний день способ пахоты увлёк мыслью, что мир, конечно, меняется, но не везде сразу.

Савраска шёл мерно, но не уныло, послушно подчиняясь воле девочки, ведшей его под уздцы. Галина Ивановна неослабляемым усилием держала плуг. И пусть внешне не было заметно её напряжения, и земля легко вспарывалась, и лемех мягко подрезал пласт, и почва пышно ложилась, однако работа оставалась не женской, хотя, очевидно, привычной как для женщины, так и для её дочки. Недаром одна омужицилась фигурой, а другая раньше времени налилась силой.

Лошадь ходила по периметру длинного огорода, ряд за рядом сближая противоположные стороны. На одном из кругов, проходя мимо застывшего в размышлении Бардина, Галина Ивановна ободряюще кинула:

— Не беспокойся, деда, картошку под твоим окном не посадим. Цветы посадим.

Через несколько кругов, утомившись, она остановила упряжку против соседа и, закуривая папиросу, разговорилась:

— Хороша пахота, скажи, дед! Все сорняки вглубь попадали — не скоро взойдут. Потому что конём пашем, землю переворачиваем! Мотоблоком того не получится. Он поверху рыхлит, сорняки наружу выбрасывает. Здешние хозяева стараются коня нанимать. Им польза — и конюшне прибыток.

При этих словах, как показалось Бардину, не только лицо, но и душа женщины потеплела, по-иному высветив её грубоватый облик. А у слушавшей её дочери улыбка лампочкой вспыхнула. Похоже, обе они во всём заодно.

Чисто в мужской манере, не вынимая изо рта папиросы, Галина Ивановна спросила:

— Ты, деда, когда-нибудь в жизни пахал?

— Только лопатой, — признался старый геолог. — Но к коням навык имею. У нас в партии лошади бывали. Умею запрягать, править повозкой, езжу верхом.

— Ты, деда, как захочешь по старой памяти покататься, приходи к нам на ипподром, я коня дам. Госконюшня напротив. Я там зоотехником, а Лера моя верхом ездит.

— Принимаю приглашение, — благодарно проговорил Бардин.

— От чистого сердца, деда. Соседей мы уважаем, — заверила бывшая хозяйка.

3. Другие соседи

Бардина охватил огородный зуд, перешедший к нему от соседей, ковырявшихся на своих грядках. Так как для собственной грядки места в тесном дворике его не нашлось, он выкорчевал вдоль алтуховской ограды бурьян и посадил несколько кустиков жимолости и смородины. Галина Ивановна увидела его труды, перегнулась к нему через забор и попросила не загораживать посадкой калитку, в настоящий момент наглухо заколоченную.

— Когда-нибудь я её раскупорю, — пообещала она. — Что нам, деда, с тобою делить? Это я от квартирников загораживалась, чтобы не лазили в грядку. А тебе, дед, я разрешу — ходи на здоровье. К нам во двор ходи, по огороду ходи, если, конечно, топтать не будешь.

— За что же такая милость? — поинтересовался Бардин.

— Ты как родной мне. Лошадей любишь, может, и нас полюбишь, — ответила соседка.

Калитку, однако же, она не открыла. Или некогда было, или проверочно выжидала.

Для цветника новосёл mestечко всё же нашёл — узкую полосочку спереди дома, между крыльцом и алтуховской оградой. Вскопал и воткнул луковицы пионов (очень любил пионы по воспоминаниям о весенней тайге и лесных цветущих полянах), пристроил также клубни георгинов и цветочную рассаду, присланную через ребят попадьёй, услышавшей от сыновей о его стараниях. В разгар трудов к нему неожиданно пожаловала гостья. Она павой вплыла в открытую для неё калитку и, играя голосом, заговорила:

— Здравствуйте. Все говорят: сосед, сосед, а никто не представит. Вот, сама зашла познакомиться. Не прогоните?

— Ну что вы! — гостеприимно воскликнул Бардин.

Женщина была молодой, худощавой, тщательно ухоженной. Во всём её облике — от косичек, уложенных на голове шапочкой, до аршинных каблуков голубых босоножек — виделось желание нравиться и поражать.

— Я Антонина Зворыкина. Наш дом по улице перед алтуховским. Самый красивый в околотке. Ещё поповский дом ничего, но с улицы его не видать. А Галина Ивановна, хоть и ставит себя мужичкой, а с настоящим-то мужиком ей не сравниться. Куда ей до моего мужа Павла. Он у меня на все руки мастер. Дом в картинку сделал, а я внутри красоту навожу — дизайн, по-современному. Зайдёте когда, увидите сами. У меня на красоту талант. Я и себя украсить могу. Вам нравится? — она крутнулась перед ним на каблуках. Бардин кивком подтвердил, что нравится. — И всем нравится, потому что я вкус имею и стиль понимаю, — нахваливала себя гостья. — У нас с мужем сыночек есть, Антоном зовут. Я Антонина, а он Антон. Стильно, правда? Нарочно так назвала, чтобы не всё от отца, а и от меня тоже. А как вас величать?

Бардин назвался.

— Один тут живёте?

— Один.

— И будете один жить?

— Скорее всего.

— Ну вам одному в каменушке будет не тесно. Тут квартиранты семьями жили и умещались. Но воли им не было, Галина Ивановна сильно их притесняла. И к вам подступит. Но вы ей не очень-то поддавайтесь. Вы тут самостоятельный хозяин. В случае чего к нам с Павликом обращайтесь. Мы вам поможем. Павлик починит что надо, а я уют во времяночке наведу. Никто не поверит, что без хозяйки живёте.

— Благодарю, я уже устроился и, полагаю, неплохо, — заверил Бардин.

— Я вижу, украшаетесь, — заметила гостья разбивающий хозяином цветник и глубокомысленно заключила: — Красоту все любят, но не всем она в руки даётся. — И бросила выразительный взгляд в сторону алтуховской усадьбы.

«Женщина высоко себя ставит, — подумалось Бардину. — При этом явно неустойчива в поведении и противоречива в поступках».

— У каждого своё представление о красоте, — примирительно сказал он.

— В моём представлении красота — праздник. А если на мне всё красивое, я сама праздник, — заявила гостья. — Проверьте на себе. Ваше настроение стало чуточку лучше, как я к вам пришла? — спросила она.

— Возможно, — неуверенно произнёс он.

— Так вот, когда вам захочется праздника, зовите меня. И я вам его принесу!

— Непременно бы, да у меня свой праздник: в новое жильё въехал, — сказал Бардин.

— В эту халупку? — вырвалось пренебрежительное у Антонины.

— Ну что уж есть, — развёл руками Бардин.

Сообразив, что сказала не то, Антонина смущённо примолкла.

У ограды появилась Галина Ивановна, держа за гриву тяжёлый ком земли.

— Деда, я ромашки тебе накопала. Расползлись по всему огороду, приходится выкорчёвывать. Посади — тебе в самый раз будет, — сообщила она.

— Тёть Галь, и мне накопай — посажу вдоль забора, — откликнулась Антонина.

— И ты здесь? — обратила на неё внимание Алтухова. — Скандал принесла? Молодая соседка оскорблённо дёрнулась.

— Любите вы, Галина Ивановна, людей унижать. Я, между прочим, зашла познакомиться и предложить бескорыстную помощь.

Алтуховой её заявление не понравилось.

— Скорей, бесполезную помощь, — поправила она. — О деде без тебя есть кому позаботиться.

— Вы и сюда уже влезли? — возмутилась Антонина. — Привыкли всем верховодить. Забыли, что продали каменушку? У неё теперь свой хозяин. Он сам разберётся, кому о нём заботиться.

— Адвокатша выискалась, — огрызнулась Алтухова.

Держа перед собой переданный ему мохнатый комок, Бардин поспешил вмешаться в разгоравшуюся перепалку.

— Дорогие женщины, я настроен мирно сосуществовать со всеми вами.

— Видите, Галина Иванна, мне тоже тут есть место и, может, поболее вашего, так как я приношу праздник, — победно заявила Антонина.

— Кабы с твоего праздника похмелья не случилось, — не уступила Алтухова.

«А ведь они не ссорятся, а так общаются, — мелькнуло у нового жильца. — Ну и ну!» — подивился он.

Позади Галины Ивановны послышался грохот. Кто-то колотился в калитку её забора со страшной силой.

— Ну вот и скандал. Недолго ждали, — выговорила Алтухова и побежала через огород, выкрикивая на ходу мужиковатым голосом:

— Чего тарабанишь? Дроби в зад захотел?!

— Тётя Гая, Тонька моя у вас? — послышалось из-за забора.

— Нет её у меня! Давно не поважаю к себе. Знаю, что следом явишься!

— Видел, она к вам побежала!

— Говорю, нет её!

— Куда же она подевалась?

— Не знаю, ищи!

— Найду, ноги переломаю.

— Не дюже старайся, а то сесть можешь.

— Знает, зараза, даром ей не пройдёт, а шкодничает, — неслось из-за калитки.

— Пошёл от моих ворот, твои дела меня не касаются! — прогоняла соседа Галина Ивановна.

Антонина во дворе нового жильца жадно вслушивалась в перепалку у соседского дома. Была вся в возбуждении и радости от происходившего там, словно ничего более впечатляющего для неё существовать не могло. При этом в ней не было видно нисколечко страха.

— Сердится, — сияя лицом, доложила она Бардину. — Заначку его разорила на эти вот босоножки. — Она выставила вперёд ножку в голубовато-дымчатой туфле с открытой пяткой и высоченным каблуком. — Страсть как они мне понравились.

Её как будто опечалило, когда скандал у алтуховских ворот затих. Она жаждала продолжения праздника — и сказала:

— Побегу, куплю Павлику бутылку, может, помиримся.
«Ну и ну!» — ещё раз подумал Бардин.

4. Крестьянская мадонна

По субботам и воскресеньям напротив нового бардинского жилья работал крестьянский рынок. Два дня, с утра и до обеда, тесно, пёстро и оживлённо сходились там жители окрестных деревень, городские жители, и жизнь кипела азартом продажи и приобретения. Бардин приходил сюда за продуктами на неделю, а также подзарядиться впечатлениями, которых в его одиночном житье ему не хватало. Он встраивался в людской поток, текущий между рядами прилавков, смотрел, приценивался, торговался, выбирал товар, покупал или проходил мимо. Создав за два дня запас, по магазинам уже не ходил.

Однажды, перед концом торгового дня, проходившего мимо Бардина окликнула продавщица, в своей голубовато-белой спецовке похожая на Снегурочку.

— Дядечка, купи у меня мясо, последний кусочек остался.

Бардин бросил взгляд на свиной пласт и отказался:

— Слишком большой для меня.

— На дольше хватит, — убеждала продавщица. — Глядите, какой он мясистый. Не пожалеете. Я вам скидочку сделаю, — пообещала она с такой доброжердочностью, что Бардин ей сразу доверился. А когда поднял на неё глаза, то пришёл в восхищение от здоровой её красоты. Статная фигура, сильная шея, открытое лицо с приятно обрисованными славянскими чертами. «Крестьянская мадонна», — сказалось у него внутри — и, как определение, нерасторжимо слилось для него с её образом.

Передав ему покупку и получив расчёт, женщина благодарно поведала:

— Спасибо, что выручили. Домой позарез надо, а тут товар не куплен. Не хочется, не распродавшись, уехать, а пришлось бы. Очень уж тороплюсь, — и спешно принялась собираться.

Заметив, что покупатель не торопится уходить, она в свою очередь доверились ему и попросила:

— Дядечка, ещё тут постойте, покараульте вещи, а я быстренько весы отнесу.

Денежную сумочку незнакомому человеку всё-таки не оставила, вместе с весами захватила с собой. Возвратилась бегом, уже без форменной куртки и фартука, торчавших у неё под мышкой. На ходу стянула с себя колпак. Волосы у неё оказались белокурые, волнистые, собранные в пучок и с рассыпавшимися на затылке кудряшками. Подхватила сумки и, отметив неспешность покупателя, вскользь бросила:

— Наверно, недалеко живёте?

— Да, напротив.

— Приходите ещё. Я тут часто стою. Меня Любой зовут. — Сказав это, она припустила к воротам, там села в припаркованный на площади фургончик и ходко погнала его на мостовой взъём.

Провожая фургончик глазами, Бардин ощущал в себе такую же лёгкость духа, как в ранней юности, когда мир простёрт перед тобой в цвете и запахе, когда он весь, целиком, принадлежит тебе, а ты ещё ничего о жизни не знаешь. «Не слишком ли, — подумал на этот счёт Бардин. — В моём возрасте радости полагается быть умеренной, а волнению — не жестоким».

С того дня он стал дожидаться приезда крестьянской мадонны как светлого праздника и жил ожиданьем, как радостью. Она же простодушно принимала его услужливость за добросердечие, не задавая себе лишних вопросов. Ну нравится человеку ей угоджать, пусть угоджает: принесёт в жаркий день воды, сбегает за пирожками, подменит её за прилавком, покараулит товар. Она даже помощников перестала с собою брать, во всем полагаясь на дядю Вилену. Он же, наоборот, постоянно задавался вопросом: отчего это с ним происходит? Может, в своей жизни он мало любил женщин, потому что больше любил профессию и все помыслы и желания сосредоточил на ней? И теперь, на закате лет, освободившись от профессии и семьи, открыл для себя красоту женщины, но только уже как картину или икону, чтобы просто любоваться ею и ничего, кроме тихой радости, не хотеть и, самое главное, не скорбеть о потерянных в прошлом возможностях.

5. Углы и пироги

С мостового взгорка как на ладони виден их околоток с группой домов, дворов, огородов, отделённый от мира не только заборами, но и самим местоположением. Прилепившийся в промежутке между производственной зоной и выездной трассой, он в некоторой степени заслонён воздвигнутой позже автомобильно-мостовой развязкой и как бы скатывается под неё. Бардин любит ходить на взгорок и глядеть оттуда на ставший ему родным массивчик частной застройки. С этой точки обзора открываются его явные достоинства и запрятанные тайны. Он кажется красивее, чем есть на самом деле. Даже бардинский домишко выступает из зелени с намёком на некое строительное своеобразие. Ему бы крышу повыше и стены поярче, тогда бы можно было спрашивать с него архитектурный стиль. О надстройке пока нечего и думать, а подъярчить краской поблёкший кирпич можно уже сейчас.

Бардин купил бордовой и белой краски, попросил у Галины Ивановны лестницу и осторожно, чтобы не помять цветник, принялся малярничать. Галина Ивановна поглядела на его труды, принесла плоскогубцы, выдернула гвозди, которыми была приколочена калитка, распахнула её и торжественно объявила:

— Для тебя, деда, она всегда будет открыта. Заходи, когда пожелаешь. — Немного подумала и добавила: — А для чужого человека щеколду всё-таки набью.

Бардин выкрасил северную и восточную стороны домика, а красить южную и западную перешёл в огород к Алтуховым и работал там под молчали-

вым наблюдением старой матери Галины Ивановны. Сама Галина Ивановна целыми днями пропадала на конюшне, появлялась в обед, чтобы покормить мать. Лера бывала с нею и потому тоже редко заглядывала в огород. А старая женщина, даже уведённая в дом, возвращалась на садовую лавочку и неотрывно следила за неторопливыми движениями рук человека и мерным скольжением валика по стене. Понимала ли она, что перед ней происходит, или, заворожённая монотонным действием, цепенела в глубоком покое и дремучем воспоминании? Кем она приходилась деду, сложившему это каменное жилище, — дочерью или невесткой? Может, она уже и деда не помнила и лишь смутно видела себя молодой и здоровой за тем же занятием, что вершилось сейчас на её глазах? Бардину не мешало и не раздражало её неослабевающее внимание, такое же бессознательное, как и внимание младенца. Оно так же не ободряло и не подзадоривало, как не подзадоривает артиста молчаний зритель.

Выкрашенные стены с декоративно обведёнными белым контуром брусками кирпичей, по мнению Бардина, придали его жилищу стиль. Оно уже не смотрелось ни банькой, ни керосиновой лавкой, а тем более складской постройкой. Оно напоминало собой голландский домик, если бы к нему ещё остроконечную крышу, покрытую металлической черепицей зелёного цвета. Но это уже как потом выйдет. Вилен Афанасьевич оценивающе оглядел свою работу с алтуховского огорода, со своего дворика, с мостового взгорка — и со всех позиций она понравилась. Галина же Ивановна отнеслась к его трудам с большей критичностью.

— Не красна изба углами, а красна пирогами, — сказала она. — Твой дом, деда, не жильём, а музеем пахнет. Небось, пока красил, ни разу супу себе не сварил. Без домашности жизнь в полную меру не будет.

— Зря вы так, Галина Ивановна, — обиделся Бардин. — Как старый геолог скажу вам: под любою сосной мы умеем домашность устроить. Что там суп — лепёшки на костре испечём.

— В самый раз про лепёшки, — подхватила соседка. — Как испечёшь — зови пробу снимать. А на пироги я тебя приглашаю. Дочка, умница, напекла и тоже зовёт прийти. Ты не просто сосед, а почти что родственник. Для нас в удовольствие тебя угостить.

Трапезничать устроились в зелёном уголке двора, за воротами и за домом. Казалось бы, укромное местечко, но с моста, без предметных подробностей, его можно было увидеть. Только кому? Единственный наблюдатель сам сейчас разделял застолье. А с подробностями это скромное, однако же со значением празднество, чаепитие легко просматривалось со зворыкинского огорода и с поповской галереи. И, как потом выяснилось, свидетели ему были. Но тут уж ничего не поделаешь, от всевидящего соседского ока не скрыться.

Бардин хоть и был желанным для соседей гостем, а всё же почётное место за столом было отведено старой матери, родоначальнице семейства. Её под руки подвели, усадили, заботливо ухаживали, то и дело испрашивая её желания или мнения. Галина Ивановна, всем говорившая «ты», к матери обращалась на «вы», при этом с её облика слетала суворость. Лера смотрела на бабушку с ласковой добротой. Чувствовалась между ними не только родственная, но и ду-

ховная близость, и явно проглядывало почитание семейством старой родительницы. Чистые, словно промытые в щёлоче, глаза старой женщины светели в ответ бессознательным, детски сосредоточенным взглядом.

Бардин попробовал пироги с зелёной и сладкой начинкой, выпил две кружки чая и в большом удовольствии похвалил Лерино не по годам зрелое умение, назвав его кулинарным талантом. Девочка польщённо зарделась, а её мать сказала:

— Все таланты моей дочери оттого, что не боится работы. А не боится потому, что ухаживает за лошадьми: поит, кормит, чистит, обезжает. Мама, я правильно говорю? — обратилась она за поддержкой к старой женщине. Глаза той залучились живой искрой.

— Я, конечно, постараюсь, чтобы мой дом жилым духом пах, но пирогов не обещаю, — проговорил Бардин.

— И не надо, — откликнулась Галина Ивановна. — Мы тоже нечасто пироги печём. А когда затеем, то и тебя позовём. Верно, мама, позовём соседа? — вновь обратилась она к старушке. И та снова одобрила её живую искру.

— Вообще-то я сама не пирожница, — рассказывала Галина Ивановна. — Мама беспребывно пекла, из-за чего мне не было надобности учиться. А потом некогда было. Вот и вышло, что мамино умение, минуя меня, к внучке перелетело. Ну, может, и талант, как ты, дед, говоришь. Не захочет за конями ходить, по бабушкиной дороге пусть идёт — на повара, на кондитера выучится. Не буду сбивать. Мама с поварским ремеслом век прожила. По молодости где только не кашеварила — на приисках, лесозаготовках, путине, на пароходах ходила. Разную жизнь видела. А я — только при конях. Как с детства пристала, так и не отстала уже. И ведь не то чтобы жокеем или обездичником, а так — специалист по рационам, кормам, заготовкам, хозяйственным нуждам. Зато с одного взгляда коня понимаю, что он сейчас есть, чем может стать и как с ним возиться. А ты, деда, что о себе скажешь? — потребовала она откровенности от соседа.

— Да я уж рассказывал, что геологом ходил по тайге, пока всё внезапно не прекратилось, и не по моей вине. До пенсии уже где пришлось дорабатывать. Сын помог этот домишко купить. Теперь вот, по вашему совету, жилой дух в нём заводить буду, — невесело сострил Вилен Афанасьевич.

— Ты, деда, ещё не старый. Пару себе найдёшь, — сказала Галина Ивановна. — Та края, что на рынке (как ты её — деревенской мадонной зовёшь?), по всем статьям не по тебе. Молода, замужем, детей, видать, куча, хозяйство в деревне настоящее, не то что у нас тут. Этих печатей тебе не сбить — слишком тугой сургуч. Ищи зазнобу своей масти.

— Вы, женщины, не любите вольных птиц. Как завидите свободную пташку, так сразу же кольцевать. А нам, может быть, этого не надо, — улыбнулся Бардин.

— Один хочешь жить?

— По мне — в самый раз, как теперь я живу.

— Деда, ты прав. Мама, он прав? — обратилась она к старухе. Та ничем не отозвалась. Наверно, устала и отключилась. Но её дочь не взяла это в расчёт.

— Мама не одобряет. Она мудрая женщина. А мне ты холостой больше нравишься, — сказала Галина Ивановна и замолчала.

В образовавшуюся паузу плавно втёк медовый голос Антонины Зворыкиной, наблюдавшей застолье из своего огорода.

- Приятного вечера, соседи.
 - Тётя Тоня, идите с нами чай пить, — пригласила Лера.
 - Если ты серьёзно, я позову Павлика, — вдохновилась соседка.
 - Только без Павлика! — нажала голосом Алтухова.
- Лицо молодой женщины исказилось обидой.
- Что ж вы, Галина Ивановна, мужа от жены отделяете, будто мы не пара?
 - упрекнула она. — Как можно одну половинку звать, а про другую забыть?
 - Мы чай пьём, а вы с бутылкой придёте, — объяснила Алтухова.
 - Кто ж в гости без бутылки идёт? — удивилась Антонина.
 - У нас закуска не под бутылку.
 - Мы и закуску захватим, — пообещала соседка.
 - Не переиначивай мне праздник. У себя угощай чем захочешь. А к своим пирогам я спиртного не допущу, — ворчливо произнесла Алтухова.
 - Что ж это вы, Галина Ивановна, нас с Павликом за пьяниц почитаете? Когда же вы видели, что мы с Павликом без повода пили и пьяными по усадьбе болтались? Когда мы нашему сынку дурные примеры показывали? — с возмущением начитывала соседка. — А вот вы, Галина Ивановна, своей трезвостью застолье напрочь уморили. Гость ваш скучает, мать старая вовсе уснула. И спрашивать не надо, по всему видно — не одобряет.

— Сгинь с моих глаз, ехида! — взорвалась Алтухова. — Не будет тебя за моим столом! Не выглядывай, не позову!

— А я, Галина Ивановна, на свой праздник вас не позову. Без вас и споём, и спляшем. Ещё как весело будет!

— Не взгляну даже на твоё веселье, хоть хороводы у себя води, — пообещала, успокаиваясь, Алтухова.

— А если я возьму и позову вас! Что вы на это скажете? — переменила решение Антонина.

— Ничего не скажу. Ботало ты несусветное, — махнула рукой Алтухова.

Видя, что мать остыла, Лера наложила в тарелку горку пирожков и поднесла их к ограде.

— Берите, тётя Тоня, Антошке вашему и вам с дядей Павлом. Без обиды возьмите и на здоровье от нашего семейства.

— И вам на здоровье, без обиды возьму, — жеманно отозвалась Антонина.

6. Внук

Незнакомый парень перегнулся через калитку, отодвинул запор и завёл во двор мотоцикл. На двери красовался замок, извещавший, что хозяина нет дома. На крылечке нежилась цветная кошечка, никак не отреагировавшая на появление незнакомца. Из-под крылечка выскочил щенок, оглашая беспокойным тявканьем округу. Из-за соседской оградыглянула девочка и спросила:

— Вы кто?

— А ты кто? — отозвался встречным вопросом парень.

- Я здесь живу.
- А я к деду.
- Вы ему кто?
- Внук.
- Я вас тут раньше не видела.
- Ну и что? — набычился парень.
- А то, что мы за дедом присматриваем, — сказала девочка.
- Не скажешь, куда он пошёл?
- Предположить могу, а точно не знаю.
- А говоришь «присматриваем», — укорил парень.
- Это не значит — подсматриваем, — пожала плечом Лера.
- А зачем присматриваете? — поинтересовался парень.
- Он же один...
- А мы что — не родственники?
- Ну так мы близко, а вы далеко.
- Добровольная дружина?
- Народный Красный Крест, — отпариowała девочка.
- Интересно живёте, — пробурчал парень.
- Щенок плясал у его ног, вереща не то от радости, не то от тревоги.
- Ещё охрана, — парень наклонился к кутьку, гладя его по мягкой шёрстке. Тот так и сомлел под его лаской.
- Ну и стража у деда, — усмехнулся внук.
- Ещё не научился отличать своих от чужих, — сказала девочка.
- Парень приложил мобильник к уху и спросил на ответивший голос:
- Дед, ты где? Я у твоей двери загораю.
- Иду, — известил голос.
- Давай скорей, пока я с твоей стражей беседую.
- Внук присел на крыльце рядом с кошечкой. Та так и не сдвинулась. Щенок растянулся у его ног, бархатным пузом и свечным огарком пёсьего достоинства кверху. Парень щекотал ему подмышки, трепал мохнатую грудку и разговаривал с девочкой:
- За кем ещё вы присматриваете?
- Ни за кем больше. Все семейно живут, только он одиночкой.
- Вам его жалко?
- Он для нас свой. Мы его уважаем.
- Если на него нападут, как будете защищать?
- У нас дробовик есть. У соседей кое-что найдётся. С поповской галереи всё видно. Без помощи никого не оставим.
- Значит, о старике можно не беспокоиться? — спросил внук.
- С вашей стороны лучше не забывать. Он на многих людей распространяется, а на него, кроме нас, некому, — сказала Лера.
- Что значит — распространяется? — не понял парень.
- Ну, общается, дружит. Ему все тут знакомы, и он — всем.
- Действительно, распространяется, — как бы про себя произнёс парень.

В калитку вошёл Бардин. Щенок стремительно перевернулся, вскочил на ноги и, бросив гостя, с радостным визгом помчался к хозяину. Но не его было время. Стариk видел только внука. Он распахнул навстречу руки, и они обнялись. Похлопывая юношу по спине, Бардин с нежностью признавался:

- Не скоро ждал тебя, Боря. Думал, больше не нужен тебе.
- Я тоже так думал, но, видишь, приехал.

Дед оглядел внука, которого не видел несколько месяцев, и пригласил:

- Ну, пошли в дом, посмотришь, как я живу.

Пока он возился с замком, внук подкалывал:

— А ты, дед, тут неплохо устроился. Тебя берегут, охраняют. Говорят даже, что ты распространяешься. — Борис покосился на соседскую ограду, но девочки там уже не было. Она усердно полола грядки.

- Как это? — не понял Бардин.

- Ну, без меры общаешься...

- А как же без этого? Не сидеть же мне в одиночестве.

- Тебе, дед, это привычно.

- Да, но не в тайгу я уехал, а поселился возле людей — и возле вас.

- Значит, и мы тебе нужны?

— А как же. Родственные связи сформирует природа. Она одна может их разорвать, чему упаси бог случиться. Ты, при молодой глупости, и то это понял. А я, таёжный волк, неужели этого не знаю?

Они вошли в дом. Кошечка впереди них проскочила в открываемую дверь, а щенок с выражением разочарования на морде оставлен был во дворе. Бардин показал внуку своё хозяйство и по ходу спросил:

- Как вы там без меня?

- Спокойно, дед, но скучно. Все шишки теперь на меня.

- Держи удар. Я же держал.

- Держал, да сбежал.

- А ты не бегаешь? Не твой ли мотоцикл у меня во дворе?

- Я, дед, тоже распространяюсь, как сказала девчонка за твоим забором.

— Эта девочка не просто тебе девчонка. Она мастер конного спорта. Тебе с ней ещё потягаться.

- У нас кони разные.

— То-то и оно, что разные. Дистанции, наверно, тоже. Ты, к примеру, далеко нацелился?

- Я, дед, ещё целюсь. Но на пока я образ жизни для себя выбрал.

- Байкерство?

- Да, дед.

- Знать бы, куда оно тебя унесёт.

- Тебя, дед, по тайге носило, а меня для начала по городам понесёт.

- Есть будешь? — вспомнил Бардин о хозяйственных обязанностях.

- Холодненького чего-нибудь выпью и поеду, — сказал Борис.

- Зачем же тогда приезжал?

— Захотелось мне, молодому щенку, о старого пса потереться, — усмехнулся парень. — Ну ещё деньги от отца передать.

- Это лишнее. Мне хватает пенсии. Скажи отцу, чтобы не посыпал.
— А сейчас возьмёшь?
— Нет, не возьму.
— Может, мне дашь?
— Бери.
— Отцу не скажешь?
— Не скажу.
— Спасибо, дед, — поблагодарил внук.

Бардин растворил гостю ворота. Тот картинно выехал со двора, и гул его мотоцикла слился с гулом улицы.

— Деда, он не похож на твоего внука, — высунулась из-за ограды Лера. — Он какой-то отдельный,

— Мальчики рано отстраняются. В его годы, наверно, и я казался таким же отдельным от своих родителей, — сказал ей Бардин.

- А девочки когда отстраняются? — поинтересовалась Лера.
— Должно быть, когда замуж выходят, — предположил Бардин.
— Про меня, деда, не угадал. Я уже самостоятельная, — заявила девочка.
— Ты пока под крылом матери, — напомнил сосед.
— Твой внук всё равно не такой, как ты, — с обидой проговорила Лера.

У вас посадки разные.

— Ты видела меня верхом?
— Я по сопоставлению вижу.
— Когда Боря окончательно определится, посадки у нас будут одинаковые. Чего я категорически ему не желаю, — проронил старик.

7. Базарный день

Первый букетик белых и розовых пионов Бардин преподнёс Любे, своей крестьянской мадонне. Она опустила его в баночку с водой и поставила рядом с собой на прилавок, чем невольно разделила покупателей на две категории. Одни разглядывали мясные куски, не видя и не обращая внимания на цветы. Другие смотрели на цветы, а мясного товара как бы не замечали и при этом интересовались ценой букета.

- Не продаётся, — отвечала Люба.
Находились и те, которые, купив или не купив мясо, шутливо спрашивали:
— Цветы к покупке прилагаются?
— Цветы мне от поклонника, — невозмутимо говорила Люба.

Если покупателем был мужчина, он пристально взглядал на продавщицу и мысленно соглашался с тем, что у такой женщины должны быть дарители. Покупательница-женщина при её словах саркастически поджимала губы, не доверяя сказанному, и отходила от прилавка без покупки. Заметив это, Люба перестала упоминать о поклоннике, сохранив в обороте скучое «не продаётся». И в самом деле не продавала и не отдавала букета, несмотря ни на какие просьбы. Бардину, бывшему рядом, её неуступчивость нравилась. А нажим всё-таки был. Один покупатель, залюбовавшись на пионы, пообещал купить в придачу

за цветы два куска мяса. Люба отказалась. Покупатель начал взывать к её жалости, говоря, что букетик может выручить его в одном очень важном для него деле. Люба не сдавалась, а когда он надоел ей нытьём, раздражённо сказала:

— Вам что, на рынке цветов не найдётся?

— Этот мне в саму точку, — молил он.

— Мне тоже, — отрезала Люба. — Ищите в другом месте.

Покупатель, расстроенный, убежал. Торговля шла вяло. Мясное предложение на рынке в нынешний день было большое, но, несмотря на начавшуюся жару, цены никто не снижал. Покупатели сновали туда и сюда, выискивая товар подешевле. На бардинский букетик внимания уже не обращали. Люба заскучала, вспомнила о покупках для дома и, как не раз уж бывало, передоверила торговлю «помощнику». Обрядила его в свою куртку, колпак и передник, а сама ушла побродить по рынку. Бардин остался за хозяина. И тут вновь появился неистовый вымогатель пионов. Он вспотел, запыхался, был взбудоражен неудачею поиска, но, увидев другого продавца за прилавком с букетом, подступил снова.

— Батя, продай, всё равно они на жаре зазря спалятся, а мне во как нужно! — черкнул он под горлом.

И Бардин сжался.

— Ну, выбирай кусок. Цветы — бесплатным приложением.

Поняв, что ему уступают, покупатель заловчил, отрекаясь от обязательств.

— Давай, батя, потом. Ну что я — с цветами и мясом, неловко всё же.

— Нет, сразу, как договаривались, — не поддался уверению Бардин.

— Да я, старина, честно, без дураков тебе говорю. За одну благодарность тебе отплачу, — вилял мужик.

— Отойди от прилавка! — выпалил Бардин.

— Ну что ты, батя? Дай приятное человеку сделать. Зуб даю, что вернусь и куплю твоё злосчастное мясо! — увёртывался покупатель.

— Я тоже не просто так здесь стою и тоже хочу приятное человеку сделать, так что или покупай, или катись, — скомандовал Бардин.

— Ладно, взвесь вот этот, — мужик указал на самый неважный кусочек.

— Нет уж, я сам тебе выберу, — сказал Вилен Афанасьевич. И впрямь не обидел покупателя-просителя выбором, отыскал для него средний по величине, но с хорошей мякотью шмат. Взвесил, взял с присмиревшего мужика расчёт, а потом вынул из воды всё такой же свежий и пышный, как утром, букетик.

— Вот тебе на удачу и на доброе дело, — пожелал он.

— Твои слова, батя, козырем лягут, — пообещал мужик и вместе с букетом и полиэтиленовым пакетом скрылся в суголовке базара.

Невелико украшение — скромный букетик, но без него прилавок как будто потерял привлекательность. Покупатель, бросая беглые взгляды на цены, проходил мимо. Бардин затосковал, виновато сознавая, что Люба своей колоритной внешностью и живым словом притянула бы покупателя. Хотя и он, Бардин, в бело-голубом спецовочном одеянии, вполне убедителен за прилавком. Но случаются же неудачливые дни. Сегодня, наверно, такой.

— Спускай, дядя, цены — покупателя займеешь, — посоветовала проходившая мимо тётка.

— Не могу, товар высшего качества, — отреагировал Бардин.

— Так уж и высшего? — залюбопытствовала тётка.

— Свари и убедишься.

— Только тогда? Ты мне сейчас докажи, пока я перед тобою стою.

— А купишь?

— Как внушишь...

— Что я тебе — заклинатель? Ты глазами смотри. Они у тебя вон какие острые. А я покажу.

Бардин подцепил вилкой и подержал перед тёткой продольно вытянутый ломоть.

— Погляди, какой срез. Мраморный сорт, как в рекламе показывают.

— Мрамора слишком много, — придралась покупательница.

— А ты б хотела, чтоб свинина и без сала? Тут тебе сразу на три блюда: косточка на суп, мякоть на котлеты, сальная кромочка на зажарку — кашу или картошку заправить. Не кусок, а радость хозяйки. Берёшь?

— Скидку сделаешь?

— Десять рублей на вес скину.

— А двадцать?

— Хозяюшка, мне товар не с неба свалился и тебе оттуда не упадёт. Уважение тоже пределы имеет. Я понятно изъясняюсь? — выговорил Бардин.

— Ладно, клади на весы, — сдалась покупательница, которую он первоначально принял за бесполезную зрительницу. Когда он взвесил и посчитал с включением скидки, она запросила ещё кусок, и тоже со скидкой.

Бардин подал тётке два затаренных пакета.

— Бери, женщина, почти что задаром.

Она тоже не задержалась с ответом:

— Это, дядя, тебе привалило. Я вообще не собиралась брать, а взяла два веса.

— Не пожалеешь, хозяйка. В другой раз намеренно искать меня станешь.

— А ты убеждать умеешь. Не в начальниках прежде служил? — бросила, уходя, тётка.

— Гляди, догадалась, — отправил он ей вслед, отметив про себя, что поднаторел в качестве базарного зазывалы, не заметил, как новую профессию освоил.

После говорливой тётки сразу две покупательницы купили у Бардина мясо. Её пример, наверно, психологически на них действовал. А у него резко подвинулась продажа, перед Любою не стыдно будет.

К прилавку со счастливым видом подлетел мужик, выманивший Любины цветы, и ликующе объявил:

— Батя, у меня сыгралось! Поздравь! — Он схватил руку Бардина и жестоко её потряс. — Твои цветы помогли.

— Бери ещё мясо, — нашёлся старик.

— Не, батя, я с тобою расчёлся, а словами поблагодарить могу. В твоих цветах, батя, нежность души.

— Моей души, — уточнил Бардин.

— И моей тоже, иначе ничего бы не вышло, — прибавил мужик.

— Тогда поздравляю.

— И тебе, батя, порядок в делах и не кашлять.

На том они и расстались.

Вернулась Люба, отяжелевшая от жары, принесла Бардину бутылку минеральной воды.

— Попей, дядя Виля, спарился тут. — Окинула взглядом прилавок и похвалила: — Неплохо расторговался. А цветы не уберёг. Жаль.

— Я новые подарю, — пообещал он.

— Ты слишком добрый ко мне. Я ничем это не заслужила. Но помочь твоя мне приятна. Хоть кто-то для меня, а то я для всех, — засветилась Люба улыбкой Мадонны, глядя на Бардина тем добрым и ласковым взглядом, каким одаривают стариков и детей, и с той же теплотой, с какой обращаются к старику и ребёнку, сказала: — Ну, иди погуляй, я одна доторгую.

Но Бардин не пошёл, остался со своей мадонной. Спецформу они поделили и скоро услышали замечание от досужей прохожей.

— Вы вдвоём в одной спецовке торгуете, это разрешено?

— А тебе что за дело? — набросилась на неё Люба. — Разве ты покупательница? С пустой сумкой по рынку бродишь...

— Я бы купила, было б на что, — стыдливо проговорила женщина.

— Зачем тогда людей понапрасну цепляешь?

— Хотелось разговор завести, — пролепетала она.

— Ты такая несчастная, что тебе не только купить не на что, но и поговорить не с кем? — сверлила её Люба полицейским взглядом.

— Выходит, что так, — подтвердила та.

— Как же ты дожилась до такого? — теперь уже и тоном полицейского спросила Люба.

— В конце жизни совсем не так, как в её начале, — как-то странно ответила незнакомка.

Она не выглядела нищенкой или бомжихой, скорее напоминала собой потёртую интеллигентку, износившую интеллигентский облик до дыр. Странный её ответ переменил в Любे отношение к ней. Жалость возобладала над подозрительностью. Торговка пододвинула к себе один из выставленных на обозрение кусков мяса, срезала по краю не лучшую его часть, уложила в пакет и протянула женщине.

— На, возьми, супу сваришь.

Та неловкой рукой подхватила дар милости, пробормотала слова благодарности и поспешила убраться.

— Попрошаек приваживаешь? — осудительно отозвалась продавщица с соседнего прилавка. — Начнёт отираться тут с жалобным видом.

— Она вроде стеснительная, — заметила Люба.

— Голодная собака обязательно прибежит туда, где её хоть раз накормили, — умудрённо заметила соседка.

— Прибежит — отвадим, — сказала Люба.

В разговор вмешался Бардин:

— Разные обстоятельства бывают. Как покупатель, эту женщину я понимаю.

— Что-то я покупателем тебя тут не видела, — подколола соседка, на что резко откликнулась Люба:

— Дядя Виля мне по-дружески помогает. А какие между нами расчёты — это наше частное дело.

8. Ливень

Дождь обрушился на землю то водопадом, то под порывами ветра изгибался волнами, то напирал лавой. Он двигался с восточной стороны, и принимавшие его удар забор и ворота вымокли снаружи, а внутрь, сквозь щели, пропускали водяные потоки и струи. Перемахнув через преграду, дождевой вал набрасывался на крыльцо и тамбурную пристройку входа, заплескивал в тесную её кабинку, где, поджав ноги, на дверной приступочке устроились трое людей и собачий подросток рядом с ними. Дождевые брызги обдавали в первую очередь щенка. Он вздрагивал и тесней жался к людям.

Водяная стихия извергалась уже минут пятнадцать, не иссякая и не теряя силы. За её завесой исчезло всё, даже ворота виделись, как в тумане. Стариk Бардин и прижавшиеся к нему Тимофей и Лера смотрели на водяное безумство ошеломлённо и зачарованно.

— Что притихли, ребятки? О чём задумались? — расшевеливая их, подал голос Бардин.

— До мамки не успела добежать. Она одна на конюшне, помочь некому. И вечерней выездки, наверно, не будет, — выговорила свою заботу девочка.

— А ты о чём? — обратился Вилен Афанасьевич к мальчику.

— Мне, наверно, тоже сегодня ночью не придётся смотреть на небо. Звёзд не будет видно, — сказал Тимка.

— Что ты всё на него смотришь? Бога ищешь? — спросила Лера.

— Бог не в небе, а внутри нас. И если он в нас есть, то есть везде, — отозвался мальчик.

— Зачем же тогда смотришь?

— В астрономии много чего интересного. Я хочу научно ею заниматься.

— Сын священника и наука — как-то не вяжется, — усомнилась Лера.

— Как раз-то дети священников и развивали науку, — возразил Тимка.

— Это правда, — подтвердил Бардин.

— А ты, деда, о чём думал? — поинтересовалась Лера.

— Вспоминал дождливые дни в тайге. Как справлялись и чем занимались. Бардин помолчал и добавил:

— Ребята, не обратили внимания, в какой закономерности сложилась наша беседа? Я говорил о прошлом, что было когда-то моим настоящим. Лера беспокоилась о сегодняшнем дне, то есть о настоящем. Тимофей высказался о науке, то есть о будущем. Так и каждого из нас можно отнести к этим трём времененным признакам. Я принадлежу прошлому. Мои дела, сила и честь остались там. Лерины свершения и победы принадлежат настоящему. Она будет жить запросами и заботами дня сегодняшнего, не замечая, когда он переходит во вчерашний и не отделяя его от дня завтрашнего. А Тимофею будет светить

будущее. Разумеется, настоящее с обязательными задачами и делами никуда от него не денется. Но мысль его всегда будет лететь вперёд, обгоняя время. Возможно, потом вспомните, так ли я вас угадал.

— Неужели ещё и по такому признаку можно людей различать? — подивился Тимка. — Тогда возьмём, к примеру, нашу семью. Матушка по всем признакам принадлежит настоящему, и только ему. Если, как ты говоришь, деда, за мной будущее, то матушка и туда войдёт ко мне с настоящим. А батюшка для меня сразу в трёх временах: прошлом, настоящем и будущем.

— Потому что священник? — подала голос Лера.

— Потому что такой человек. Он великий и непознаваемый для меня, как Бог! — с вдохновением проговорил Тимка.

— Если он, как отец, сумел привить всем своим детям высокое уважение к себе, то он в самом деле велик. А ты, Тимофей, великий сын, когда так любишь своих родителей, — сказал Бардин.

— Я тоже люблю свою маму, — с долей обиды произнесла Лера. — Она у меня не великая, но я очень её уважаю. Она спасла лошадей. В девяностых годах на конюшню перестали выделять деньги, коней нечем было кормить. Мама куда только не ходила, что только не делала, чтоб раздобыть корма. Она стучалась во все инстанции, давила на совесть, давила на жалость, призывала к долгам, требовала и просила, находила отзывчивых и добрых людей. В результате ни одна лошадь у нас не пала. Мы и свой огород наполовину засаживали кормами, а зареченский участок, десять соток, так и сейчас овсом засеваем на витаминную подкормку. Я вот с дошкольных лет на сенокосе, от мамы всему научилась.

— Твоя мама молодец, я это знаю, — подтвердил Бардин.

— А у тебя, деда, почему настоящего нету, ты же живой? — поинтересовалась девочка.

— Живой. Но для настоящего времени уже не герой.

— Зря ты так думаешь, деда. Для нас ты герой. Правда, Тима?

— Ты слишком добра, девочка, — покачал головой Бардин. — Скоро ваша очередь становиться героями. Каждому в свой срок.

За разговором они не заметили, как дождь ослабел. Он уже не порывался волнами, а монотонно косил. В калитку громко забарабанили.

— Дед, ворота отвори! — донеслось снаружи.

— Сейчас! — откликнулся Бардин.

Тимка побежал открывать. В распахнутый проём клином вкатили три мотоцикла с седоками в полном байкерском облачении, поразив в самое сердце Леру, до сих пор считавшую, что красивее конной выездки на свете ничего не бывает.

— Дед, мы под твою крышу! — объявил, задравши щиток шлема, внук.

— Заводите мотоциклы в сарай, там сухо, и входите в дом, — распорядился Бардин.

Лера восхищёнными глазами смотрела на приезжих, когда те шли от сарая к дому. Без шлемов, светлоликие и длинноволосые, в чёрных, лоснящихся от дождя кожаных куртках и промоченных наколенниках, они были похожи на

рыцарей неизвестного воинства. Особое внимание девочки привлек мотоциclist, обутый в башмачки, напоминавшие собой копытца молодого бычка и расписанные красноватыми завитками-сполохами по тёмно-синему фону. Байкеры ступили в дедов домок, как в гостеприимно впустивший их замок, и сразу же переполнили его, словно вошли не трое, а целый отряд. Тимка постеснялся оставаться и убежал домой, а Лера нашла себе занятие на кухне, помогая деду готовить ужин по походному рецепту геологов. Внук сообщил деду, что его спутники приехали на съезд байкеров, он встречал их на дороге, но из-за ливня до постоя не довёз, пусть они у него обсушатся и переночуют, а завтра уедут. На что Бардин дал согласие. После ужина Боря уехал, оставив гостей на деда.

Утром, чуть свет, заночевавшие у деда мотоцилисты уже возились у своих тяжеловесных першеронов, взблёскивавших на солнце никелированными доспехами. Сами байкеры были убраны ещё живописней и вычурней, чем их байки. Цепи, перстни, наколки на голых плечах, часы на широких браслетах, бляхи и пряжки украшали чёрные их одежды. Тот, что в башмачках на повышенном каблуке, выглядел особенно экзотично. Лера, готовившая на кухне завтрак, то и дело взглядывала на него в окно и ощущала какой-то необыкновенный подъём от одного его вида.

За ночь земля уже впитала часть пролившейся влаги. Проснувшееся солнце энергично взялось просушивать лужи, в намерении к обеду испить их до дна. Но утро ещё дышало вчерашним дождём, подарившим ему прохладу и свежесть и пересыпавшим зелень бриллиантами капель.

Парни, занявшие мотоциклами и собой маленький дворик деда, работали отстранённо от всего, что не относилось к их занятию, не задумываясь при этом, мешают кому-нибудь или нет. Бардину, наблюдавшему за ними с крыльца, они казались чужеземными солдатами, проходящими по нейтральной территории. По пути местное население они не трогают, но и не сближаются с ним. Они переночевали у него ночь, поужинали, сейчас позавтракают и останутся такими же незнакомыми и далёкими, приняв его гостеприимство как должное.

Лера же никак не могла заставить себя ровно дышать. Чувство восхищения, как морская волна, захлестнуло её целиком, не давая возможности прийти в себя и опомниться. Да она, в общем-то, этого и не хотела.

Дедов внук приехал. Мотоциклы были уже завьючены и готовы к выезду, а седоки в нетерпении. При виде проводника они повеселели, протянули Бардину для прощания руки, отчего он сразу простил им их необщительность, подарили дружеский кивок Лере, кормившей их вчера вечером и сегодня утром, подождали, когда внук поблагодарит деда за ночлег для его друзей, и торжественно выехали со двора на своих громоздких машинах. Проезжая ворота, они поднятием руки прощально отсалютовали оставшимся. Лера выскочила следом за ними и не спускала с них горящего взгляда, пока они не скрылись из виду. Во двор она вернулась с несчастным и потерянным лицом, будто рассталась с чем-то катастрофически для неё важным. Молчком прошла мимо деда и Тимки, не впечатлённых отъездомочных гостей. Под их недоумёнными взглядами свернула в свою калитку, миновала огород и где-то в глубине двора громко и безутешно разрыдалась, приведя в ужас старую бабку и мать.

Через несколько часов Бардин поинтересовался у ходившей по огороду Алтуховой:

— Ну как, Лера успокоилась?

— Плачет ещё, — осуждающе отозвалась Галина Ивановна. — Никогда бы не подумала, что моя дочь может легко сбиться с пути. Коня требует, в погоню лететь. Вроде бы серьёзная девочка, а на брюлики соблазнилась.

— Думаю, дело тут не в цепях и прочих побрякушках, — с осторожностью проговорил Бардин, — а в образе совсем иной жизни, которая предстала вдруг перед неокрепшой умом девочкой в самом привлекательном виде.

— А конники что — не образ? — колюче возразила соседка.

— Образ, ещё какой. Но как бы привычный для неё. А этот новый и незнакомый... Он, как внезапная вспышка, ослепил ей глаза и всё затмил. Полагаю, это пройдет. Ей надо побывать рядом со своим конём, почувствовать трепет его живой жизни, попереживать за него. Ну и, конечно, красочные моменты нужны. Соревнования у вас бывают?

— Осенью будут. И поход будет по казачьим станицам, — сказала Алтухова.

— Об этом ей надо напомнить. И вообще поговорить с ней надо.

— Я поговорю. И ты, деда, поговори, а то, чего доброго, в мотоциклисты сбежит.

— Поговорю, — пообещал Бардин.

9. Конногвардеец

Лера пришла к деду мыть полы после гостей. Глаза у неё были припухшие, лицо осунувшееся, осанка поникшая.

— Выплакалась? — спросил Бардин.

— Выплакалась, — пробурчала девочка.

— И что надумала?

— Хочу быть такой же заметной, как они.

— На коне или на мотоцикле?

— Конечно, на коне. Я коней ни за что не брошу.

— Позавидовала мотоцилистам? Они при своих мотоциклах, как эвенки при оленях. Я не знаю, много ли смысла в их движении, но формы в нём много. И они её строго придерживаются. У конников тоже есть смысл, есть форма и к тому же есть многовековые традиции. Оживляй любую — и ты будешь ни на кого не похожа.

— А какую традицию, деда? — оживилась Лера.

— У наездников ведь тоже красивая форма, — напомнил Бардин.

— На соревнованиях. А я хочу, чтоб на каждый день.

— Тогда надо думать.

Лера ушла в дом, а Бардин сел на крыльце в размышлении о желании девочки. Она успела помыть пол и выйти с ведром и тряпкой на крыльцо, а он так ничего существенного не придумал. Уступив ей место для работы и отойдя в сторону, он наблюдал, как она размашисто, по-мужски, трёт ступени: «Не интеллигентка, никогда ею не станет, и это для неё хорошо».

Девочка выдрила крыльцо, отнесла и вылила воду под кусты, повернула назад — и тут Бардину что-то взошло на ум.

— А ты, Лера, у нас кавалерист, — похвалил он скорость её работы.

— Да я всю жизнь с лошадьми, — не придала девочка значения его словам.

— Больше того, ты конногвардеец.

— Ну и что? — равнодушно вымолвила она.

— Это много почётней.

— Чем?

— Звание гвардейца доблестью добывается.

— Тогда я за что гвардеец? — спросила Лера.

— Ты стойкая, смелая девочка, работающая и отважная. Ты достойна носить имя гвардейца, если, конечно, захочешь, — убеждённо сказал Бардин.

— Допустим, я захочу, но как это сделать?

— Мысленно припиши себя к какой-то гвардейской части и поступай по её уставу, — посоветовал Бардин.

— А к какой, деда? — всерьёз заинтересовалась девочка.

Возникший в калитке алтуховского огорода Тимка с любопытством спросил:

— Вы тут о чём рассуждаете?

— О гвардии, — сказал Бардин.

— Ой, и я послушаю, — загорелся Тимка.

— Включайся, Тимофей, — кивнул Бардин и объяснил: — Лера хочет изменить свой внешний облик. Я, со своей стороны, вижу её бойцом кавалерийского корпуса генерала Доватора. Осенюю сорок первого года, когда немцы рвались к Москве, его конница вихрем пронеслась по тылам врага, сея на своём пути ужас и смерть. За проявленную отвагу кавалеристы Доватора первыми в Великую Отечественную войну были удостоены гвардейского звания. Сам генерал в битве под Москвой погиб, а его конница продолжала сражаться за победу.

— Без своего командира? — воскликнула Лера.

— Но с его именем. Они же гвардейцы! — сказал Бардин.

— А форма у них красивая? — спросила девочка.

— У кавалеристов во все времена форма была самой красивой. В Великую Отечественную тоже. У нас, мальчишек, дух заходился, когда мы в кино видели летящую конницу.

— А какая форма, деда?

— В точности не скажу. Могу спутать с казачьей. А это всё-таки армия, всё должно быть по уставу, — сказал Бардин.

— Я поищу в интернете, — вызвался Тимка. — О самом Доваторе поищу и об обмундировании его конников. Принесу распечатки, и ты, Лера, выберешь.

— А ты что выберешь — поповский стихарь? — с неожиданным раздражением спросила девочка, перед глазами которой стояли кожаные безрукавки и металлические цепочки байкеров.

— Нет, мантию магистра, — не обиделся Тимка.

«Интеллигент и интеллигентом будет», — подумал о нём Бардин, а вслух сказал:

— Поищи, Тимофей. А тебе, Лера, если дух у тебя не захватит, я ничего не смогу уже посоветовать.

Но дух у неё захватило, и она принялась накапливать форменную одежду. Галина Ивановна Алтухова благодарно прогудела Бардину своим прокуренным голосом:

— Спасибо, деда, в правильном направлении вдохновил мою dochу. Мы всё соберём, что надо: галифе пошьём, сапоги закажем, бурку, если потребуется, добудем. Я не переживу, если что-нибудь новомодное отведёт ей глаза от конного дела.

В предвечерний час июльского дня, когда на ипподроме и во дворе конюшни лишних людей не было, состоялось посвящение Леры в бойцы-конногвардейцы. Точнее будет сказать, воображаемое или мысленное посвящение, так как официальных лиц при этом не присутствовало, а были лишь близкие, заинтересованные люди — и немножко зрителей. В свидетели посвящаемая позвала деда Бардина и Тимку. Тимофей привёл с собой всех своих братьев и сестру, толстощёкую китаянку Любку. На зрелище вышел взглянуть хромой конюх дядя Егор, в прошлом жокей и наездник, не расставшийся с лошадьми и послеувечья. Парад с командирским видом принимала заведующая госконюшней и зоотехник Галина Ивановна Алтухова.

Конногвардец периода Великой Отечественной войны вывел из широких ворот кирпичного строения скакового коня, с неуловимой ловкостью взлетел в седло, отдал честь командиру и пустил коня по кругу, красиво меняя характер победки. В военном обмундировании рослая для своих лет девочка гляделась слишком уж юным бойцом, более похожим на сына полка или бойкого мальчишку-ординарца, и от этого ещё больше нравилась зрителям. Поповские ребята ликовали. Малышка Любка пронзительно верещала. Бардин открыто любовался. Дядя Егор смотрел со скептическим прищуром, но уголки его губ вырисовывали одобрительную улыбку. Галина Ивановна с ястребиной зоркостью следила за дочерью, усилием воли не позволяя ей сбиться с шага. Обычно неприметные в её ушах серьги в закатных лучах солнечно взблескивали.

Лера в стремительном темпе сделала несколько кругов по полю и повернула на препятствия, беря один барьер за другим. Мальчишки возликовали ещё шумней. У взрослых зрителей, особенно у Галины Ивановны, на лицах выражалось напряжение. Но Лера благополучно прошла все препятствия, вернулась на круг, пронеслась по нему иноходью и подъехала к матери.

— Товарищ командир, — отдавая честь, обратилась она, — боец гвардейского кавалерийского корпуса генерала Доватора тренировочное задание выполнил.

— Так держать, боец, — похвалила Галина Ивановна и следом заметила: — В другой раз не меняй осанки и не лихачь.

— А как же джигитовка? — спросила девочка, на что мать с командирской твёрдостью заявила:

— У нас не цирк, а спорт. Держись его правил и ради форса не казакуй.

Лера подъехала к Бардину.

— Ну как? — спросил он, глядя в её разгорячённое лицо. — Посвящение в бойцы состоялось?

— Состоялось, — счастливо выдохнула она.

— Возражений не имеется?

— Ну что ты, деда? Так интересней. Во мне как будто что-то прибавилось.

— Это воинский долг тебе лёг на плечи, — сказал Бардин.

10. Матушка Ирина и её семейство

Тимка пригласил деда Бардина на именинное чаепитие с морковным пирогом на меду. Бардин уже бывал в поповском семействе Крутогоровых, когда выбирал щенка и когда матушка Ирина выделила ему цветочной рассады на клумбу. За строгость домашнего уложения, за плотность внутридворовых построек с салями, клетями, подпольями-погребами Вилен Афанасьевич мысленно называл кругогоровский двор «монастырским подворьем». Здесь обильно и впрок закладывалось на хранение многочисленное разнообразие съестных припасов, приготовляемых разнообразными способами, в том числе и по давно забытым рецептам. Управляла хозяйством и домом матушка Ирина и вела его в духе старозаветных и монастырских традиций. В то же время она допускала в выстроенный ею быт современные веяния, привносимые в семейный мир её мужем, отцом Виссарионом, в прошлом офицером-десантником, и подрастающими детьми, не желавшими отставать от жизни. И если новое, в её представлении, не покушалось на почитаемые ею устои, она принимала его за продолжение любезного её душе старого и успокаивалась, доверяясь мнению мужа и его одобрению увлечений детей. Так что твёрдая её рука в управлении была хоть и крепкой, но не жёсткой и, тем более, не облачённой в ежовую рукавицу. Детям была предоставлена свобода развития по их склонностям и интересам. И каждый из них этим воспользовался. Тимофей увлекался небом и звёздами. Архип разводил животных. Венедикт пилил и строгал, помогая отцу. Младшие — Василёк и Любка — ещё тешились младенческой беззаботностью и всеобщей любовью семьи, и то матушка Ирина уже приучала девочку к игле и шитью, а Василёк присматривался к занятиям старших братьев. Мужа и отца матушка Ирина расположила на роль домашнего божества, неоспоримого и глубоко чтимого авторитета. Для себя она определила место земной ступени, с которой человек взывает к небу. В этой градированной системе строгих правил и сопряжений дети росли сдержанными, степенными, почитающими и почитаемыми, понимающими меру прав и обязанностей и вольными в избранном ими мирке. И только Любке, единственной девочке в семье и младшей сестричке, позволялось во всей её детской непосредственности выражать чувства. Она могла прыгать на отцовских коленях, трепать его бороду, забираться ему на плечи, кататься у него на закорках, в то время как её ровесник Василий осмеливался только спокойно посидеть у батюшки на коленях, даже не болтая ногами. Всё семейство благоговейно потворствовало её забавам и изливало на неё столько чувства, сколько обычно удерживало в себе в других случаях. Матушку Ирину, с материнской естественностью и спокойствием принимавшую на руки одного за другим рождаемых ею сыновей, как горячей волной окатило, когда она взяла в руки слабенькое, словно худосочный росток, тельце девочки, чтобы поднести её под свою грудь, так как у родившей её женщины молока

не появилось. Вопреки кажущейся нежизнеспособности малышка с жадной силой припала к соску, чем вызвала у кормилицы новый прилив материнской нежности. С этого раза матушка Ирина вместе со своим сыном брала на кормление и чужую девочку. А настоящая мать, измученная родами китаянка, напоминавшая собою незрелого подростка, бессильно наблюдала миндалевидными глазами за здоровой русской женщиной, привычно державшей у груди сначала одного, затем и другого младенца. Поздоровев и встав с постели, она подошла к матушке Ирине и простодушно сказала:

— Возьми себе мою дочку. Ты будешь любить её. А у меня для неё ничего нет.

Матушка Ирина оглядела пустоватую фигурку не то девочки, не то женщины, и поняла, что для материства у неё действительно ничего ещё нет. Вот откуда восходят имя Люба-голуба и объяснение её девчоночьей вольности.

Бардин с затаённым интересом шёл в гости к семейству Крутогоровых. Часпите задерживалось. Ждали возвращения батюшки. Отец Виссарион был выездным священником на два сельских прихода, попеременно отправляя службы то в одном, то в другом. И ещё по своей доброй воле вёл воскресные школы в двух бесхрамовых деревеньках, где не было ни фельдшерского пункта, ни почты, ни школы, ни магазина, а продукты раз в неделю привозила автолавка. Здесь священник учил ребятишек и посещавших уроки взрослых закону Божьему и правилам православной морали. Матушка Ирина испекала к воскресенью сладкий пирог, завершивший занятия совместной трапезой.

В одной из этих бесхрамовых деревушек паслось небольшое стадо круто-горских овец, выкармливались на зиму два кабана и содержалась, на паях с хозяином, корова. На эту часть подсобного хозяйства матушка Ирина своего влияния не распространяла, оставляя его целиком в ведении мужа. На нём же лежало валяние шерсти для войлочных сапожек с кожаной опорой, по типу бурок. Их, тёплые и лёгкие, с удовольствием носили все члены семейства. Способ изготовления бурок отец Виссарион вывез с Кавказа. Оттуда же пошло и его тяготение к овцеводству.

Вилен Афанасьевич, встреченный всеми пятью детьми Крутогоровыми в воротах, был с ходу засыпан пятью предложениями. Первым он принял предложение Тимофея — посмотреть его лабораторию на галерее, и остальные дети отступили, деликатно не последовав за ними.

Поповский дом был составлен из двух сросшихся изб. Галерея лежала на крыше второй избы. Вход в неё шёл изнутри. Бардин увидел перед собой круглый ступенчатый марш с выходной площадкою наверху.

— Знакомая лестница, — проговорил он.

— Ты, деда, уже ходил по ней? — ревниво спросил Тимка.

— По этой — нет. А похожая, должно быть, у меня была — или не была, а только привиделась. Возможно, в том времени, которое воспоминанию уже не поддаётся.

— Я называю её лестницей к звёздам, — сказал Тимка.

— Вот-вот, именно так она и должна называться, — подтвердил Бардин и, подымаясь по ступеням, спросил: — Я, Тимофей, разведывал недра, то

есть заглядывал вглубь земли. Как ты думаешь, моя лестница вела вверх или вниз?

— Она вела вверх, — сказал Тимка. — Не к звёздам, но к открытиям.

— Ты прав, Тимофей. И ты добрый мальчик, — растрогался до увлажнения глаз старый геолог.

— Деда, я тоже буду разведчиком, только разведчиком космоса, чтобы искать опасные для Земли астероиды и не давать им столкнуться с нашей планетой, — сообщил Тима.

— Ага, воином Вселенной, охранителем Земли! Задача для героя. Не думал я, что песня нашего поколения об атлантах, которые держат небо на согнутых руках, какую мы так вдохновенно распевали, в поколении внуков станет уже реальностью, — грустно сказал Бардин, словно окончательно прощаясь с романтикой юности.

Осмотрев Тимкину лабораторию, Бардин одобрительно заметил:

— У тебя тут всё готово для открытия.

— Ну что ты, деда, не с таким по мощности оборудованием, — возразил Тимка.

— Ничего, хороший скрипач и на одной струне сыграть сможет.

— Ты, деда, совсем...

— Разве я? По-моему, ты — совсем, — проговорил стариk.

Бардин глянул вниз из растворённого окна галереи. Взгляд его разом охватил весь околоток и не углядел в нём ни тайн и секретов, ни тем более романтического ореола. Обыкновенные деревянные строения с участками дворов и огородов. Распластанная над дедовым домишком крыша, как ладонью, прихлопывала его к земле, и он более, чем всегда, походил на сараюшку или баню. «Да, — признал Бардин, — вид хорош, но не пригож. Лучше смотреть с моста. Там, по крайней мере, больше места для воображения». Вслух же сказал:

— Ну, Тимофей, продавил ты меня своими идеями. Придётся и мне подрастить реквизиты, чтоб не казаться таким уж замшелым. Зря я думал, что поселяюсь здесь на покой.

Когда Бардин с Тимкой спустились во двор, каждый из остальных детей Кругогоровых сводил гостя в свой заповедный уголок. Архип показал зверинец, Венедикт — столярную мастерскую, Василёк — игрушки, а Любка дала подержать куклу с похожей на собственную озорной рожицей. После чего гостя отвели в дом, пред лицо матушки-хозяйки. Ирина Савельевна с нянюшкой Аграфеной, празднично принаряженные, сидели в большой горнице, позади накрытого стола, и скрашивали ожидание батюшки за рукоделием. Матушка Ирина пряла на старинной крестьянской прялке, вытягивая из шерстяной кудели равномерную нитку. Нянюшка Аграфена вязала тонкими спицами тонкий узорный платок. Детей матушка отпустила во двор — не пропустить возвращения отца, а соседу предложила посидеть и побеседовать с ними, женщинами.

— Не странно ли вам видеть нас за стародавним занятием? — спросила гостя матушка Ирина.

— Вовсе нет. Вы так мило и уютно сидите, приятно на вас смотреть, — заверил Бардин. — В деревнях мне встречались прялки и веретёна. Давно это было. Думаю, и сейчас их не везде побросали, — добавил он.

— Вот и мы не отказываемся от старинных ремёсел, — говорила матушка. — У нас электропрялка имеется. Включаем её, когда шерсти много и надо быстро её перепрясть. А в охотку и к радости фамильную, бабушкину, заводим. Груньюшка наша, родственница моя, кружевница мастеровитая. Накидка на мне — её работы. Себе она косынки плетёт, в церковь ходить. Платки пуховые из тонкой шерсти на продажу вывязывает. Батюшку их освятит. Женщины, особенно деревенские, охотно берут. Они лёгкие, тёплые, в них голова не болит. Да, в ручные изделия много труда, умения и души человеческой вкладывается. Как и во все старинные ремёсла. Взрослым на почитание, ребятишкам на поучение. От нового мы тоже не отказываемся, — хозяйка потянулась рукой к лежащему поблизости от неё мобильнику. — Оно, конечно, облегчает жизнь, но учит не умению, а пользованию. Нажал кнопку — и вся наука. А что в этом предмете и почему он так действует, обыкновенному уму неведомо. Я довольна, что дети мои не только к пользованию, но и к умению тяготеют, на что мы семейно их напутствуем и наставляем. Себе мы тоже не даём спуску. Всякую свободную от хозяйственных дел минуту трудимся, рукодельничаем себе на заботу, семье и дому на прибыток.

Речь матушки Ирины текла размеренно, плавно, с такой глубинной убеждённостью, при которой ни с мысли, ни с пути сбить было бы её невозможно.

— А вы чем любите заниматься, Вилен Афанасьевич? — обратилась она к гостю.

— Я пока что рассыпан, как свежевыпавший снег. Обживаюсь, присматриваюсь, с соседями знакомлюсь. И, знаете, в удовольствие. На волю попал! Но я обязательно сберусь и довыполню свой долг перед жизнью, — совестливо объяснил своё безделье Бардин.

— Вы этот дом купили вынужденно или по желанию? — поинтересовалась матушка.

— Знаете, пожелал! Он напомнил мне лучшие моменты моей жизни. Захотелось вновь вдохнуть того воздуха. Вдыхаю и не жалею. Мне тут нравится.

— Нам тоже вы нравитесь, — призналась матушка Ирина. — Ещё когда вы заселялись, я поняла — родственной души человек будет нашим соседом. Детям разрешила познакомиться с вами. Старшенький мой взял и прилепился к вам и к той девочке, что на конях скачет. Казалось, второй мой сынок, любитель животных, ей ближе окажется. Ан нет, у Тимофея с ней больше общего набралось. Я довольна вашей дружбой. Батюшка Виссарион тоже её одобряет. Через семью, через друзей человек мир познаёт. Только девочка почему-то к нам не пришла. Тимофея её приглашал, — посожалела матушка.

— Некогда ей, сенокос у них. Все работники на лугах, она одна с конями управляет, — пояснил Бардин.

— Трудолюбивая девочка. Надеюсь, когда-нибудь она к нам придёт. А вы всегда приходите. Рады будем вас видеть, — сказала матушка.

— Боюсь помешать вашим постоянным трудам, — сказал Бардин.

— Когда мы за рукоделием, нам собеседник приятен. А как его нет, сыновья нам читают. Тимофея — больше светское. Архип и Венедикт — церковное. Иногда мы вместе поём мирское или Божественное, что под настроение подойдёт.

Рассказывая о домашнем и сокровенном, матушка Ирина явно выказывала гостю душевное благорасположение, словно вписывала его в круг семьи. Тронутый её доверием, Бардин признался:

— У нас, геологов, тоже были свои песни. Сколько бы мы их ни пели, никогда не стирались для нас ни чувство, ни смысл, ни очарование. И теперь ещё иногда хочется их попеть, но не с кем.

— Вы с Тимофеем попробуйте, — посоветовала матушка. — Научите и пойте.

— Прочувствует ли он? — усомнился старый геолог. — Они для него не родные.

— Тима мальчик понятливый и чуткий, — похвалила попадья сына. Бардин задумался.

— Про незнакомую звезду если... — припомнил он.

— Про звезду — тем более, — подхватила матушка.

Со двора донёсся гул мотора и радостный детский крик.

— Вот и дождались, — сказала, подымаясь, хозяйка. Вместе с нею поднялись нянюшка Аграфена и Бардин. Через террасу все вместе вышли на наружное крыльце. Во дворе батюшка Виссарион, длинноволосый и густобородый, в священническом облачении, не маскировавшем в нём, однако, примет бывшего воина, во исполнение сурового долга стрелявшего когда-то на поражение, подбрасывал вверх негодницу Любку, первой перехватившую ласку отца. А уж после неё отцовское внимание перешло к старшему сыну и имениннику. Ему дано было родительское напутствие и благословение, после чего сын благодарно поцеловал у батюшки руку. Облепленный детьми отец семейства подошёл к крыльцу, извинился перед женщинами за опоздание, а Бардину протянул руку не для поцелуя, а для дружеского рукопожатия.

11. Старый новый знакомый

Антонина с мужем уехали в деревню на свадьбу, а сына Антошку оставили на попечение старика Бардина. Обиженный тем, что его не взяли с собой, мальчик наступленно и враждебно смотрел на деда, порываясь бежать следом за оставившей его матерью. Бардин положил свою руку ему на голову и ласково попросил:

— Останься со мною, сынок.

Мальчик заинтригованно на него поглядел.

— Не переживай, — ободрил дед. — Мы с тобой проживём наше время не хуже. Сами устроим себе праздник. Предлагаю на выбор программы: играть, читать, развлекаться, путешествовать. Что тебе больше нравится?

— Путешествовать, — буркнул мальчик.

— Мне тоже. Значит, кое в чём мы с тобой сходимся. Пойдём дальше. Ты в музее был?

— Был. С детским садом водили.

— Понравилось?

— Не-а.

— Почему же?

— Не разрешают бегать, громко разговаривать, а только слушать и за тётей следом ходить.

— Ну хоть что-нибудь тебе там запомнилось?

— Лестница. Не дали по ней скатиться.

— Наверно, ты, парень, не так сходил. В музее много чего интересного, и на твой возраст тоже. Например, камни. Любишь их собирать?

— Камешки? — уточнил Антошка.

— Да, камешки.

— Люблю, — разные всякие, особенно кремни. Они цветные бывают. На сколе посмотришь — свет через них проходит.

— Это халцедоны. Они, действительно, многих цветов бывают. Я даже красные, как рубин, находил. Вот видишь, и на этом мы с тобой сходимся. Я тоже люблю собирать камни. Так, глядишь, и подружимся.

— Мама говорит, что вы тут всем друг, потому и привела, — сказал мальчик.

— Ага, мама сказала... Она заранее полагала, что я буду дружен с тобой, а вот будешь ли ты дружен со мной — это требуется определить. Давай пока строить наши отношения на общем интересе. Пойдём в музей, посмотрим камни, я о них тебе расскажу. Потом ещё куда-нибудь сходим, в парк например, или к фонтану. Пообедаем в городе, купим мороженое. А когда вернёмся, я покажу тебе свою коллекцию камней, а ты мне свою.

— Я не храню камни. Я посмотрю на них и бросаю.

— Чем же ты тогда увлекаешься? — разочарованно спросил старый геолог.

— Играю в игры, игрушки разные.

— Игрушки — это мир, который для тебя устраивают родители. У тебя должен быть ещё и собственный мир.

Антошка, не понимая деда, потупился и поскрёб носком сандалии землю.

— Ну что, переменим маршрут, не пойдём в музей? — спросил дед.

— Пойдём, — неуверенно выдавил мальчик.

Ближе к вечеру, когда Антошка и Бардин отдохнули от дневного путешествия по городу, опекун повёл подопечного на ипподром. Лера обещала показать мальчику конюшню и покатать на лошади.

За воротами конного двора стариk с мальчиком остановились поглазеть, как мужчина в ковбойской шляпе по сходням заводит коня в кузов грузовика с наращенными бортами. Посмотрели и отправились дальше.

— Вилен Афанасьевич! — послышался сзади неожиданный оклик.

Бардин оглянулся. Мужчина в ковбойской шляпе сиял ему радостным взором. Этого лица Бардин не помнил, но понимал, что должен его знать, раз ему так приятельски улыбаются. Напряжением памяти Бардин углядел-таки те признаки, которые не исчезают совсем даже в переменившемся облике.

— Булава? Дмитрий Платонович? — воскликнул Бардин, к удивлению опознавая в незнакомце бывшего снабженца экспедиции.

— Узнали, Вилен Афанасьевич, узнали. Значит, я не вовсе переродился, — плавился улыбкою бывший сослуживец. — А вот вы, Вилен Афанасьевич, нисколько не изменились. Постарели, конечно, а всё равно, что опорный столб, не, точнее сказать, маяк. Помните, движение было — «наши маяки». Что ни

день, газеты писали. Все те маяки куда-то пропали, а вы вот стоите. Может, не опора уже, но примета. А забор вокруг вас повалился.

— Разговорчивый стал, — неодобрительно проронил Бардин.

— Я и раньше поговорить любил, только на другие темы. А сейчас вас встретил, обрадовался. Давно вас увидеть хотел, посидеть рядышком, пообщаться, мнения сверить, по старой памяти снабдить чем-нибудь. Я ведь и теперь — при возможностях, — победно распинался довольный собою Булава.

— В снабжении не нуждаюсь. Сам могу чайком угостить, — сухо обронил Вилен Афанасьевич.

— А я не откажусь, — ухватился за предложение собеседник.

— Сегодня не могу. Развлекаю этого молодого человека, — указал на мальчика Бардин.

— Внук? — поинтересовался бывший сослуживец.

— Внук у меня уже взрослый. А это новый забор вокруг меня нарастает, — не без смисла намекнул Бардин.

Булава окинул взглядом шестилетнего Антошку и улыбнулся на слова старого геолога как на хорошую шутку.

Подошла Лера, забрала мальчика и повела его смотреть лошадей.

— Занимаетесь тут? — возобновил разговор встретившийся знакомый.

— Да так, смотрим, — неясно выразился Бардин.

— А я занимаюсь, — похвастался Булава. — Девочка меня тренирует, — указал он глазами на уходящую с Антошкой Леру. — Обнаружил я в своей родословной казачьи корни и надумал предков порадовать, чтоб на том свете наследников не кляли.

— А я, Дмитрий Платоныч, за ковбоя вас принял, — произнёс Бардин.

— И это было, — сознался Булава, — Под формат себя подгонял. Помните, как я выглядел? Полушария спереди, полушария сзади. Для делового человека негоже. Много труда положил, а себя распрямил. Для того и ковбой сгодился. А теперь в казаки перехожу. Свой конь у меня. Родные корни взывали, и душа просит. Я ведь на отдыхе. Детям все дела передал, могу менять стили жизни по выбору. А вы-то как, Вилен Афанасьевич? Давно ничего не слышал о вас.

— Я тоже на отдыхе и тоже недавно стиль жизни сменил.

— И кто ж вы теперь?

— Вольноопределяющийся. Не знаю только во что. Я и домок купил, вон там, за зелёным забором, — с неожиданной теплотой признался Бардин и указал рукой за ворота.

Булава проследовал глазами за его жестом и радостно воскликнул:

— Так мы с вами, Вилен Афанасьевич, соседи! Мой курень за мостом. Ничего не стоит к вам заехать и к себе свезти. Ксения Петровна с вами?

— Я вдовец, — печально сказал Бардин.

— И я вдовец. Сколько между нами схожего! Обязательно надо встретиться и поговорить.

Не позже чем через три дня бывший сослуживец стоял в маленьком дворике Бардина и пристрастно рассматривал его кирпичный домок. Потом его взгляд

обежал всё хозяйственное заведение старого геолога и остановился на мальчиках Архипе и Тимофеев, удерживающих рвущегося к бою щенка-подростка.

— А, молодой забор, — вспомнил Булава слова Бардина.

— Да, мои друзья, — скруто произнёс старый геолог.

— И я — друг, — крикнула из-за изгороди Лера.

Булава отыскал её взглядом, приветливо с ней раскланялся, а у деда спросил:

— И она тоже — ваш новый забор вместо упавшего?

Бардин подтвердил.

— Вот оно как, — рассеянно обронил гость. — Давненько не виделись. Что-то, может быть, из внимания упустил. Но я за вами приехал. Едем ко мне. Я для встречи всё подготовил.

— А войти в дом, попить чайку? Вы ж собирались, — воспротивился Бардин.

— Можно и попить, а потом ко мне, — настаивал Булава.

— Я бы с удовольствием, но эта милая девочка уже подрядила меня съездить с нею за сеном.

— Я одна могу съездить, — подала голос Лера.

— Одна? Ни в коем случае! — запротестовал дед.

— Лера, можно, я с тобой? — вызвался Тимка.

— Согласна, поможешь грузить. А ты, деда, поезжай в гости. На обратном пути мы за тобой заедем, — распорядилась девочка.

— Я сам отвезу, — запротестовал Булава.

— Нет, пусть и этот вариант остаётся, — пожелал Бардин.

В доме он занялся приготовлением чая, а гость — осмотром помещения.

— Тесно у вас, — присаживаясь к столу, заметил бывший сослуживец. —

Разведи руки — и в обе стены упрёшься.

— Помню, на переходе в таких же точно избушках мы всей партией размешались, и место для ночёвки всем находилось, — произнёс Бардин.

— Так то в поле, а дома уже условия требовались, особенно для семьи. Ксения Петровна, я думаю, в этот домишко бы не поехала, — сказал Булава.

— Это верно, — вздохнул хозяин. — Вопрос уже без неё решался.

— Как она радовалась, когда вы трёхкомнатную получили. Я ещё вас перевозил. А потом, по просьбе вашей жены, комплектную мебель доставал. Запросы были нешуточные — в каждую комнату по гарнитуре, притом импортному. Из уважения к вам я расстарался. Снабженец-то я был неплохой. За год или два всю вашу квартиру обставил. Ксения Петровна была в восторге. А вашего мнения я так и не узнал.

— Я не поклонник стильных комплектов. Я приучен к походному быту. Он мне нравится, и мне его хватает. Дом-музей не в моем вкусе. Но вам, Дмитрий Платоныч, я благодарен за счастье моей жены, которое она пережила с вашей помощью и поддержкой. Равного по силе впечатления у неё потом уже не было. В чём мне укор и раскаянье до самой смерти. У вас, Дмитрий Платоныч, хоть и запоздало, я прошу извинения за неудобства, которые вы претерпели ради наших житейских забот.

— Ну что вы, Вилен Афанасьевич! — протестующее возопил бывший снабженец. — Я рад был вам служить. Я и сейчас готов сделать для вас что угодно!

— Благодарю вас, мне ничего не нужно.

— Извините, Вилен Афанасьевич, с вашей неприхотливостью живут теперь только бомжи. Уважающие люди предпочитают комфорт. Ваша жена, уверяю вас, захотела бы обустроить домишко спальней наверху и балконом.

— Моя жена, — с неодобрением проговорил Бардин, — могла быть тщеславной женщиной, но ни в коей степени безрассудной. Она не стала бы затевать денежно необоснованных проектов.

— Если бы она обратилась ко мне, я бы ей помог преобразовать курятник в небольшое палаццо или, на худой конец, в теремок, тем более что мне очень этого хочется, — велеречиво и торжественно заявил гость.

— Позвольте узнать, из каких таких побуждений вы были бы благодетельны к моей жене? — возмутился Бардин.

— Исключительно ради вас, — деликатно заверил Булава.

— Как это понимать?

— А так, что я безгранично вас уважаю!

— До сих пор?

— Теперь ещё больше.

— За что?

— Вас — за то, что вы не изменились, а себя — за то, что позволил себе измениться.

— Хотел бы я разобраться, в чём тут дело, — озадачился Бардин.

— Боюсь, что осмысленно объяснить не смогу, — признался гость. — Пойдемте ко мне. Вы сами увидите, и, может быть, слов не понадобится.

— Придётся поехать. Дело, как вижу, касается существенных предметов, — заключил Бардин.

За мостом, когда по приподнятой над землёй трассе проезжали мимо стоящей внизу коттеджной деревни, Булава кивнул на один из дворов.

— Вот моя мыза.

Бардин ухватил взглядом двухэтажный особнячок из красного кирпича, поставленный поперёк участка, две длинные постройки хозяйственного назначения перед ним и торчащие из-за дома зелёные верхушки деревьев, — должно быть, сада. Усадьба, как водится, была обнесена высоким каменным забором, ничего, однако, с высоты трассы не скрывавшим. Машина Булавы пробежала дальше, съехала по спуску на землю и обратным ходом, уже по деревне, вернулась к дому.

— Ну и размахнулись вы, Дмитрий Платоныч! — не то похвалил, не то осудил Бардин, оглядывая усадьбу уже со двора.

— Я бы и шире мог, да незачем, — в ответ обронил хозяин.

— Бывало, партия снимется и уйдёт на новое место, а я на прежней стоянке останусь, так пространство на меня давило, — вспомнил пережитое Бардин.

— По-старому мыслите, Вилен Афанасьевич. Теперь пространство в цене, — заметил Булава.

— Что, каждому свой Версаль?

— Насколько хватит мощей.

Хозяин пригласил гостя в дом. Экскурсии по нему устраивать не стал, чтобы не смущать бывшего сослуживца простором своих помещений, а провёл

сразу на верхнюю сквозную террасу. Там приятного вида женщина средних лет расставляла закуску.

— Моя хозяйка, — сказал о ней Булава, но не представил.

Хозяюшка радушно пригласила мужчин за стол, пожелала приятного аппетита и неслышно исчезла.

У Бардина под впечатлением богатого стола и превосходно устроенного хозяйства невольно вырвалось:

— Умеете вы, Дмитрий Платоныч!

— Умею, Вилен Афанасьевич! — с готовностью подхватил Булава. — Снабженцем умел, а в дельцах ещё большему научился. Не побоимся выпить, Вилен Афанасьевич, и поговорим. Я за руль сегодня не сяду. Мой работник вас отвезёт. А мы давайте за аппетит, чтобы не пропадал, не иссыпал и всегда был в силе! За вкус к жизни во имя здоровья! — провозгласил хозяин.

Закусывая, оба примолкли. В образовавшуюся паузу ворвался то равномерный, то взрывающий, то пронзаемый одним резким звуком гул трассы.

— Шум не мешает? — поинтересовался у гостя Булава.

— Привык. У меня за воротами точно такой, — проговорил Бардин.

— Кажется, всё предусмотрел, когда строился, — пожаловался Булава, — а шума и приподнятой трассы не учел. Весь мой двор напоказ, и рёв стоит круглые сутки. В доме, за плотными рамами, его не слышно. А тут ничто ему не мешает. Можно, конечно, просвет стеклянными створами обнести. Зимой мы так и делаем. А летом я свежий воздух люблю. И к шуму, кстати, привык, даже пристрастился к нему. Иной раз сидишь, слушаешь, смотришь, и так тебя потянет вместе со всеми в поток. А куда ехать? Дело моё налажено, детям в управление отдано. Мне забота — занятия себе изобретать. Я ещё не выдохся. У меня руки чешутся колесом себя раскрутить. Ваш домок я бы хоть в башенку, хоть в теремок развернул. Слово скажите, и дело пойдёт. Услуги снабженца и управленца — бесплатно.

— Не получится, — покачал головой Бардин. — Мы домишко недавно купили, да ещё и ремонтировали. Сыну долго придётся по кредиту платить.

— Я бы проинвестировал и процента не взял.

— А расплачиваться чем?

— Я частично спонсирую, — искушал разбогатевший снабженец.

— Да за что мне благородство такое? — в досаде и недоумении воскликнул Бардин.

— По совести, Вилен Афанасьевич, и справедливости, — уверял Булава. — Вспомните, когда-то у нас с вами одинаково было. Вы по своему дару, а я по своему. Потом вдруг ветер иначе подул. Для вашего дара дорожка закрылась, а для моего скатертью расстелилась. И стало у нас с вами неодинаково. Мой вины в этом нет, но всё-таки несправедливость я признаю и желаю загладить.

— Не для чего заглаживать, — проговорил Бардин. — Вашему успеху я не завидую, его правомочность не оспариваю, компенсации за неудачу не спрашиваю. Я, как смог, так в изменившихся условиях prodолжался: не упал, но и не поднялся — и тем более не взлетел. С тем и пребуду.

— Всё строительство за мой счёт! Подарок в знак уважения! — разгорячённо вскричал Булава.

— Не приму, отдаривать нечем, — отказался Бардин.

— Для меня это не имеет значения! — заявил бывший снабженец.

— А для меня имеет, — уверил в свою очередь Бардин.

Тут подал сигнал бардинский мобильник.

— Деда, — послышался девичий голосок, — мы возвращаемся. За тобою заехать?

— Заезжай, — разрешил он. — Адрес знаешь?

— Знаю, — сказала девочка.

— Лера? — спросил Булава, показывая глазами на мобильник.

— Лера, — подтвердил Бардин.

Булава почувствовал обиду.

— Чем только конюшне я не помог — и зерном, и сеном, и деньгами, а дружбы не сыскал, только признание, — в грустном раздумье произнёс Булава.

— Потому что не на равных. В зависимость от себя их поставили. То же самое со мной пытаешься сделать и тем теряете шанс на дружбу, — сказал Бардин.

— А у меня такой шанс есть? — вопросительно глянул на собеседника Булава.

— Я полагаю, что есть.

— Тогда я его не упущу. И тост за это! — провозгласил довольный поворотом разговора хозяин.

Повозка с ребятами и сеном медленно подтянулась к воротам, где её встретили два давних знакомца, назвавшихся сегодня друзьями. Бардин, чего не сделал в своём дворе, познакомил бывшего сослуживца с Тимофеем, представив его и Леру как самых верных товарищей. Булава с заинтересованным видом обошёл возок и похвалил девочку за умело обвязанное верёвкой сено.

— Она и меня научила! — похвалился Тимка.

— А тебе это нужно? — пытливо глянул на него Булава.

— Мне всё нужно, что в жизни есть, — серьёзно проговорил мальчик.

— Такого прыткого я взял бы в ученики, — пожелал бывший снабженец.

— Не берите, — отсоветовал Бардин, — он потянет вас к звёздам.

— Меня ещё никто не тянул к звёздам. А наверно бы, надо, — задумался Булава.

С той же задумчивостью провожал он отъехавшую повозку, а потом ожидал появления её на мостовом взъёме. Оттиснутая обгоняющим её транспортом к самому парапету, гужевая упряжка смешно и нелепо смотрелась в машинном потоке и всё плыла, плыла перед глазами Булавы, словно не желала теряться из виду.

«Хотел осчастливить другого, а осчастливили меня самого, — в удивлении рассуждал он. — И, главное, чем? Тем, что позволили быть рядом с собою! Велика ли честь? А мне она лестна, дорога и почётна — не знаю уж из чего».